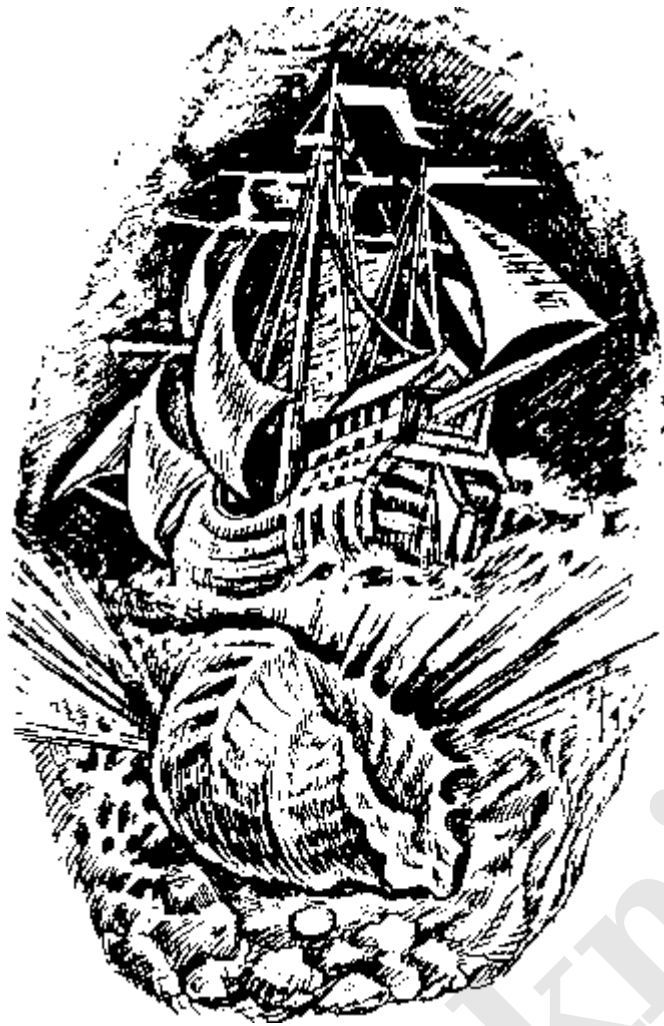

"Мифы и герои Древней Руси"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Издревле обширной и прекрасной была русская земля. Вот как говорилось о ней в отрывке из древней повести:

«О! Светло-светлая, красно-украшенная
Земля русская наша! Дивное, диво озера твои,
Потоки бурливые, реки, ручьи.
Дубравами частыми славишься ты,
И горы твои высоки и круты,
Холмы зелены и просторны поля,
О славная русская наша земля!
Зверей не исчислить в дремучих лесах,
Не счесть твоих мелких крылатых птах,
Славишься селами ты, городами
И златоглавыми блещешь церквами.
О! Светло-светлая, красно-украшенная
Земля необъятная наша!
Народам твоим нету счета-числа,
До синего моря ты пролегла,
От венгров до чехов, от чехов до ляхов,
От ляхов до немцев, карел и ятвягов,
А там до болгар, от болгар до буртасов.
Обширна земля — не окинешь и глазом.

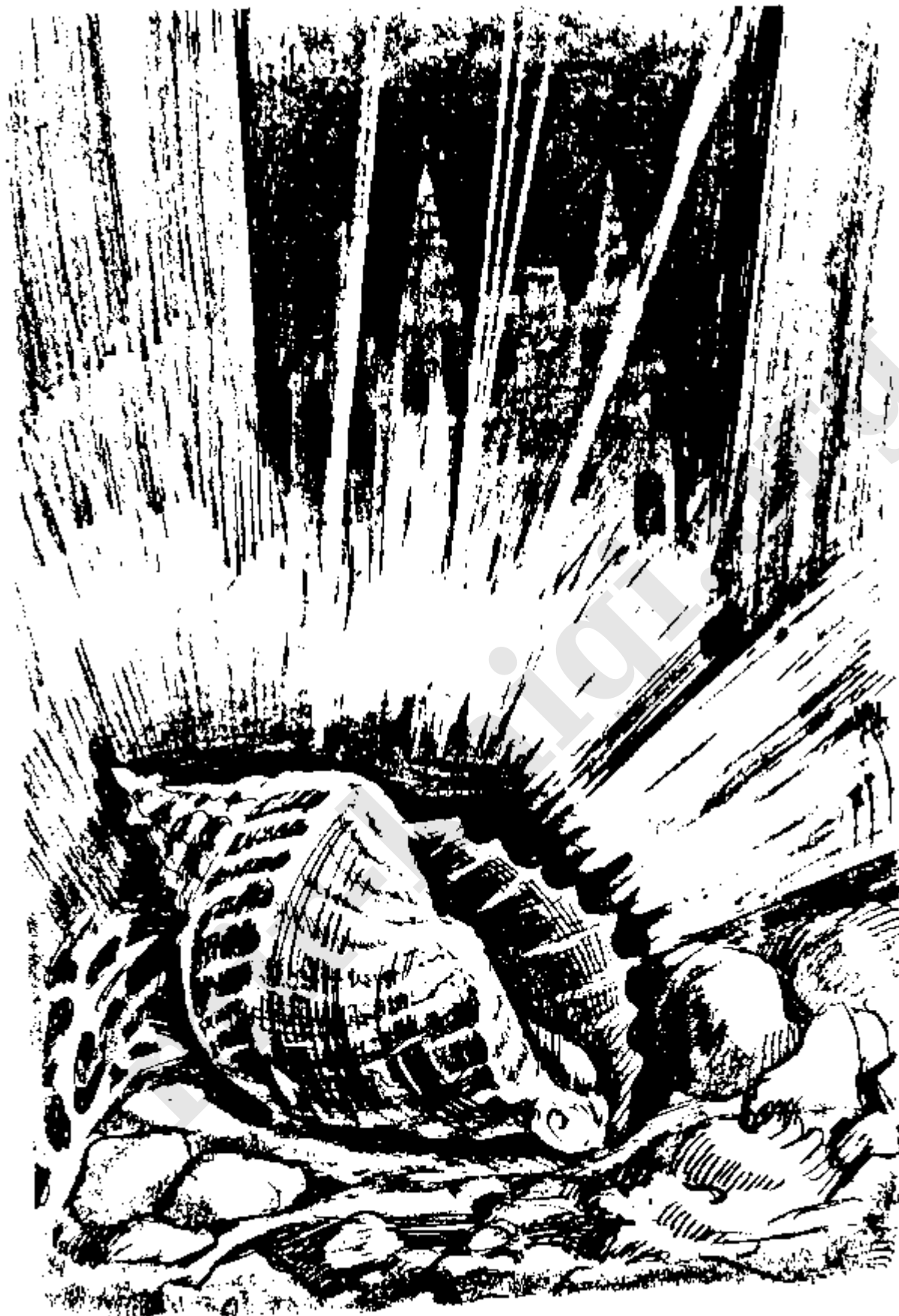
Не видит конца ей орел в вышине,
Ее не объехать на борзом коне.
О! Светло-светлая, красно-украшенная
Земля наша славная, отчизна наша!»

Но это наша прародина, считавшаяся восточной землей славянского мира. А славянские народы населяли и север Европы, и запад, и юг.

У разных славянских племен появлялись свои мифы, легенды и предания. Невозможно рассказать обо всех в одной книжке. Наш рассказ — о мифах руссов — наших с вами предков.

Боги и мифические божества

mir-knigi.org

Что создал бог Сварог

Всесильный бог Сварог по прозванию Небесный создал три царства — Небеса, Землю и Подземный мир.

Небеса разделил он на два неба. Первое небо — владения самого Сварога и хранятся там все

запасы воды земной. Второе небо — твердый синий купол, который опирается на края Земли.

Вздумал бог Сварог напоить Землю, наполнить водой моря синие, реки быстрые, ключи чистые. Превратил он облака летучие в быстрокрылых птиц и повелел им разносить воду в русла рек и впадины морей. Ожила, зацвела Земля.

А неутомимый бог Сварог сотворил еще и прекрасную заоблачную страну Ирий-сад. Для живых та страна недоступна. И растет там Древо жизни, соединяющее небо, землю и подземный мир. Корни его уходят глубоко в Подземное царство, где обитают предки наши, деды и прадеды.

Выросло Древо жизни из семени железного дуба, в котором заключены все земные стихии — вода, огонь и воздух. Родники живой и мертвой воды, что бьют из чистых колодцев — студенцов, поят корни дерева, и потому в нем сокрыта тайна жизни и смерти.

Ствол стремится к небу. Роятся в дупле пчелы, что собирают медовую влагу — росу утреннюю и вечернюю. А крона Древа жизни упирается в небо. Гнездятся там птицы разные — и сокол быстрый, и соловей голосистый, и Див, что ведает судьбу человеческую.

С одной стороны могучего древа восходит солнце красное, а с другой — светит месяц ясный. Живут в пышной кроне и четыре ветра. Ветры Восточный и Полуденный, Западный и Полуночный приносят на землю четыре времени года — весну, лето, осень и зиму.

Древо жизни не умирает, но зимой засыпает, а весной пробуждается. И тогда появляются на нем зеленые веточки, ростки нового лета — леторосли.

Окружил Сварог прекрасную страну Ирий-сад необъятной водой, что зовется Океан-море. Ни выпить его, ни вычерпать, ни переплыть, потому что все реки в него вливаются, все моря собираются. И живут в синем Океан-море чудо-юдо рыба кит, и русалки зеленовласые, и царь Морской, и водяной с клюкой.

В самой середине Океан-моря лежит остров Буян. Устал могучий бог Сварог и удалился на тот

остров под дуб высокий, Древо жизни. Отдыхает древний бог, седой, словно окутанный метелью. Разметались облачные кудри, белым-бела борода. Рядом с ним дети его Сварожичи, боги небесные. Грозный Перун, повелитель грома и молнии, покровитель воинов. Дажьбог — доброе божество Белого Света, податель благ земных и прародитель русских людей, дажьбожьих внуков. Дал ему Сварог и огненное око — бога-солнце по имени Хоре. Здесь и Макошь, что зовется Мать-сыра-земля, дарительница урожая, хозяйка рога изобилия. А рядом сестра ее Лада и дочь Леля, покровительницы весны и любви. Высится бог Велес, на плечах которого и держится Земля.

Отдыхает, но не дремлет Сварог. Четырехликий, смотрит он сразу на все четыре стороны света, зрит, как управляют всем, что он создал, поставленные им боги, как чтут богов люди.

Остров Буян — обитель богов

Доступен остров Буян лишь богам, детям Сварога. Но собираются здесь и все силы весенних гроз, все громы трескучие, все бури летучие, облака небесные и сама туча — воронье крыло.

Живет на острове Буяне и Стратим — птица с железным клювом и медными когтями. Она всем птицам старшая и разгоняет своими крыльями буйные ветры.

Там и Громоносный змей, всем змеям старший, и Пчелиная матка, старшая всем пчелам-молниям, что посылают на землю медовую влагу дождя. Живет там и вещий Ворон.

Зародились там все звери земные, и рыбы морские, и гады подземные, и птицы небесные.

Лежит посреди острова Буяна бел-горюч Алатырь-камень. Называется он так неспроста. Камень этот — и облако белое, источник живительной влаги, и солнце горючее, дарующее свет и тепло. Оттого под Алатырь-камнем сокрыта сила великая, и нет ей конца. Спрятан под Алатырь-камнем ключ всех заговоров людских — от недугов и ратных орудий, от тоски и лихого человека, от черной немочи и от болестей, от огня-пламени и смерти напрасной. В «Голубиной книге», которая сама себя написала, сказано:

«Белый Алатырь-камень всем камням отец;
С-под камешка, с-под белого Алатыря
Потекли реки, реки быстрые
По всей земле, по всей вселенной
Всеми миру на исцеление,
Всеми миру на пропитание».

Богатырскую силу дает родник, бьющий из-под Алатырь-камня. В нем и мертвая вода, и живая. Мертвая вода исцеляет, делает целой иссеченную зимними льдами землю, а живая вода оживляет ее, дарует зелень и цветы.

Но не так-то просто добыть живую воду и освободить сидящую на Алатырь-камне красную девицу, богиню весны Живу. Путь сюда лежит через небесное море, где черной тучей плавают двенадцатиглавый змей. Только славный витязь, бог-громовик Перун может победить змея. Он палицей высекает из Алатырь-камня искры-молнии, разводит пожигающее пламя грозы. А потом достает самоигральные гусли и начинает грозовую песню, которая разбивает облачные скалы. Ловит Перун небесных кобылиц и молоко их, густое, как туман, кипятит в грозовом пламени, заваривает чудодейственный напиток — живую воду. И проливается она на землю живительным потоком весенних дождей. Тогда просыпается Дажьбог.

А еще живут на острове Буяне необыкновенные птицы.

Стратим-птица, или как ее иногда называли Ногай-птица, считалась прародительницей всех птиц. Взмахнет крылом Стратим-птица, и разразится буря неслыханная, а когда взлетит она, пронесется над землей, то колышутся горы, разверзаются бездны, рушатся города, валы морские вздымаются до небес.

Есть на острове Буяне и чудесная птица Алконост. Тело у нее птичье, а лик женский. Голос ее сладкий, усыпляющий. Послушаешь пение Алконоста и забудешь все на свете. Но зла птица Алконост не делает. Зато Сирий — птица темная, посланница властелина подземного мира бога Велеса. Она тоже с ликом женским красоты несравненной, а телом и крылами птичьими. Но пение ее приносит не временное, а вечное забвение.

Есть здесь и Гамаюн — птица вещая. Она тоже посланница богов. Вещает она их волю и открывает тайну будущего.

В отличие от Гамаюна птица Гриф — существо не мифическое, а сказочное. Живет она только в сказках и помогает богатырям и храбрым добрым молодцам. А видом она страшна — наполовину птица, наполовину зверь. Крылья и голова у нее орлиные, а тело и ноги львиные.

Добрый Дажьбог

Лик Дажьбога, повелителя Белого Света и Природы, светел и неуловим, как небесное сияние. Прислуживает Дажьбогу древний маленький старичок Время, не смыкающий глаз. По приказу своего владыки посылает он на землю троих богатырей — Утро, Полдень и Вечер. Круглый год стоят на страже витязи, следят, чтобы день не забывал сменить ночь.

Сам Дажьбог серебряным ключом замыкает зиму, а золотым отмыкает лето. От его воли зависит, расцветет ли Древо жизни. Льет на землю белый свет, но пока не пробуждает ее, закованную в крепкий лед, окутанную снеговым покрывалом. Застыло между корней небесного древа животворное семечко. И посылает Дажьбог птицу весеннюю на конец света белого, в золотое царство, где живут вместе его дети — бог солнца Хорс и солнцева сестра Заря.

Зовет птица весенняя:

— Заря-зоренька утренняя, солнцева сестра, снаряди свою серебряную лодочку, возьми весло золотое, разбуди солнце ясное!

Тут и люди принимаются взывать к птице — посланнице божьей:

— Пташечка-ключница,
Вылети с заморья,
Вынеси два ключа,
Два ключа заветных!
Замкни зиму холодную,
Отомкни лето,
Лето теплое!

И откликается Дажьбог на мольбы людей, велит запрягать белых коней, посылает сына своего Хорса. И дети поторапливают солнце:

— Солнышко-ведрышко,
Вставай с печи,
Гляди в печь —
Не пора ли Блины печь?

Выглядывает солнце. Оживает земля. Расцветает Древо жизни. А в домах уже с радости пекут блины-солнышки.

Бог солнца и четыре его сестры

В один день с богом солнца Хорсом родились и четыре сестрицы его — Зори Утренняя, Полуденная, Вечерняя и Полуночная. Умываются солнцевы девы живою водой дождя, этим бессмертным напитком богов, и потому всегда остаются вечно прекрасными и никогда не стареют.

Часто Зори ясные показываются в студенцах — синих разрывах дождевых туч —

и пляшут, развевая свои облачные, озаренные солнцем, розовые одеяния под веселые, неумолкающие дудки ветров.

Зори умывают проснувшееся солнце медвяными росами, расчесывают его золотые кудри, возвращают ясный лик. А затем выводит белых коней Утренняя Заря, и начинает свой дневной путь по небу бог солнца Хорс.

На полпути, у самой макушки неба, встретит его Полуденная Заря, напоит коней, утомленных полуденным зноем, и помашет вслед белым платком-облачком.

А как принесут Хорса кони к краю неба на закат, встретит его третья сестра — Вечерняя Заря. Она распряжет коней и уложит своего златокудрого брата спать-почивать.

Тут и Месяц, брат их названный, на небо восходит. Тем временем Полуночная Заря метет двор Месяцу, разгоняет ночные тучи, потемняющие небо.

Но не всё тихо и ясно в небесном семействе. Ревниво поглядывает Хорс на своих сестриц. Полуденная Заря преданно поджидает его, и никогда не разминутся любимые брат и сестра. Вечерняя Заря, которую кличут еще Вечерница, укладывает Хорса спать и сама очи смежает. Зато, просыпаясь, видит бог солнца Хорс Утреннюю Зарю, румяную Денницу, вместе с Месяцем. Он провожает ее и тихо уплывает за темное облако. Темнеет Хорс. Да и Месяц часто бледнеет, видя, как радостно встречает своего ясного братца Денница. Известно, Месяц гордый и задорный. Чаще он бывает зачинщиком ссоры. А как доходит у Солнца с Месяцем до размолвки, так и день становится туманным да пасмурным. Такой день называют худым. Когда же день выдается ясным, светлым, говорят, что Месяц с Солнцем добром повстречались. И песенка есть веселая:

Как у месяца
Золоты рога.
Как у солнышка
Лучи ясные.

Перун — бог-громовж

А вот про грозного бога Перуна сохранилась такая легенда.

На море, на Океане, на острове Буяне стоит дуб ни наг, ни одет. Восседает под тем вечным дубом грозный бог Перун. Кудри у Перуна серебряные, усы золотые, в глазах молоньи сверкают, борода тучей по небу метется.

Но спит бог-громовик. Сковала земля небесные колодцы. Скованы и уста Перуна. Спит и жена

его, богиня лета и молодости Додола. Белым инеем, словно жемчужным кружевом, затянута ее прекрасное лицо. Тончайшими сосульками позванивают ее струящиеся, как дождь, волосы. Смежила Додола синие, как летнее небо, глаза. Заботливо укрыл ее своей серебряной бородой Перун.

Тут и подкрался к облачной, дождевой деде Огненный Змей — Змиулан. Похитил он прекрасную Додолу. И вместе с ней пропала живительная влага, выпил воду у земли коварный Змиулан. Ненасытна его утроба — проглотил змей весь скот. Собирался и людей извести.

Но вот проснулся бог Перун. Дыхание его ветром и бурей пронеслось по земле. И тут же громыхнул гром гремющий, прозываемый небесным петухом. Напился Перун живой воды из тающих снегов, и возросла сила его рук. За спиной у бога радугой-дугой гнется небесный лук. В колчане тугим пучком набиты стрелы-молнии, оперенные грозowymi тучами. В руках держит Перун пылающий меч и огненную палицу. Прорубил громовик мечом дверь в мрачной темнице-туче и разбил палицей крепкие ледяные оковы. Расправил он плечи и разорвал руками черные тучи в клочки.

Испугался Змиулан гнева Перуна и спрятался в корнях старого дуба. Но метнул бог-громовик стрелу огненную и расщепил дерево. Забил из-под корней его родник. А увертливый Змиулан уже затиснулся под огромный камень-валун. Взмахнул Перун своей разящей палицей и расколол камень надвое. Побежали из-под камня-валуна змейки ручейков. Скользнул Змиулан между обломками камня и вдруг превратился в коня с черной гривой. Достал коня стрелой Перун. Ударил копытом заколдованный конь. Сам пропал, а на том месте оказался колодец с вешней водой. А Змиулан оборотился тучной черной коровой. И корову поразил бог-громовик. Потекла из ее сосцов белопенная весенняя река. Заметался Змиулан. Рваной тучей носится по небу, сизым туманом к земле прижимается.

Но всюду настагает его грозный бог Перун. Истерзал молниями, разорвал на куски. И выпустил Змиулан Додолу. Благодатной влагой, медовым дождиком пролились из сияющих глаз богини лета и молодости слезы радости. Ожила Земля, ответила лепетом весенних ручьев, живым дыханием молодой зелени, птичьим пением. Неспроста древние славяне в засушливые дни водили «додолу», деву, украшенную травами и цветами, испрашивая у богини дождя.

А Перун, одолев Змиулана, побросал разрубленные куски его по самым дальним и укромным местам — в ущелья, дремучие леса, под коряги, в дупла, в глубины вод, в омуты и болота. И завелась там всякая нечисть, что днем прячется, а ночью выползает и людям покою не дает. А некоторые и помогают. О них, об этом племени лукавом, мы расскажем чуть позже.

Огненный лук и удочка бога Перуна

Был у Перуна огненный лук, из которого пускал он смертоносные стрелы, поражая силы тьмы, разрывая мрачные оковы грозowych туч. И луком этим считалась небесная радуга. Много поверий и чудесных сказок связано с небесной радугой. То она разноцветная дуга, то змей с драгоценной чешуей, то сверкающий камнями пояс богини, а то и чудный мост.

Раскинется радуга над Землей и тянет из рек, озер и лесных прудов дождевую воду на небо. У славян было поверье, что посланцы Перуна, три небесных ангела, витают вокруг радуги. Один качает воду из рек. Другой делает из этой воды облака. А третий разрывает их, творя дождь.

В Древней Руси верили, будто радуга — это блестящее коромысло, которым небесная богиня весны и плодородия Громовница черпает из всемирного колодца — океан-моря — воду и орошает ею поля и нивы.

А еще представляется радуга небесным змеем. Высасывает он, этот змей с радужной чешуей и дугообразным хвостом, дождевую воду из небесных колодцев, превращается в разбухшую от влаги грозовую тучу и проливается на Землю потоками воды.

В сказках радуга часто представляется волшебным мостом. Помните, гналась как-то за Иваном-царевичем Баба-Яга. Доскакал он до огненной реки. Как переправиться? Но Иван-царевич не растерялся. Махнул он три раза волшебным платком на правую сторону и, откуда ни возмись, повис через реку дивный мост. Переехал на другой берег Иван-царевич, махнул платком два раза в левую сторону — и стал мост тоненький-тоненький. Кинулась Баба-Яга на мост, добралась уже до середины, тут он и обломился. Упала Баба-Яга в огненную реку и сгинула.

В дни летнего солнцестояния люди чествовали подвиги дождящего и дарующего урожай Перуна. В знойную пору он погашал губительный жар солнца потоками дождя. Живая вода текла из небесных колодцев, отпираемых молниями Перуна.

Перун выходил на рыбную ловлю — закидывал в небесные воды удочку — молнию и вылавливал небесных рыб — тучи.

Перуну народ посвящал дерево дуб. Желуди разбрасывали по избе, ублажая бога-грозовика, а масло и вино, которыми поливают бадняк — дубовые щепы, — служат знаменами дождя, дарующего земле плодородие.

Как бог Велес помогал людям

От гнева Перуна, от его громового голоса дрожала земля, но только покачнулась, потому что крепко держал ее на своих плечах вместе со всем хороводом людей и зверей лесных, полевых и морских могучий бог Велес. Никто его не видел, но говаривали, что сила у подземного бога великая, медвежья, и обличье тоже медвежье — с головой медведя Велес. Потому и считался покровителем охотников. В честь его люди по праздникам рядились в медвежьи шкуры.

Бог предков Велес сторожит счастье людское. А еще — бережет скот. Оттого и звали его иногда и Скотьим богом. В дань ему каждую осень на полях оставляют несколько колосков — несжатую полоску ржи. «Велесу на бородку», — говорят пахари.

И Велес платит за это сполна. Не таит, не прячет он свои сокровища, отдает их людям. А богатство его великое. Ведь каждое растение корнем под землю уходит, питается растительной силой из владений подземного бога.

В древности на Руси ведали о вешей силе Велеса. Праздники зимних святок накануне Нового года посвящались богу Велесу. Люди молили об урожае, а после новогодней ночи гадали о своем будущем, заклинали скот от мора, нечистой силы и хищников. И назывались эти недели «велесовы дни». Тогда брал хозяин топор, надевал шубу вверх мехом, подражая мохнатому богу Велесу, и шел оберегать свое богатство, призывая на помощь всемогущего и всеведающего «скотьего бога». А славу богу Велесу, покровителю мудрости, дарующему избранным умение понимать язык птиц и зверей, пели вешие певцы, гуслиеры и сочинители старин. Древнего певца Бонна люди называли Велесовым внуком.

Мать-сыра-земля

Не мертвую землю держит на своих плечах Велес, а живую богиню Макошь. Русские люди звали ее нежно Мать-сыра-земля, потому что земля и есть мать всему живому. Прекрасна богиня Мать-сыра-земля. Волосы ее — шелковая трава. Груды — горы высокие. Руки — деревья

ветвистые. А тело — сама теплая земля, пронизанная жилами ручьев и речек с живой водой. Мать-сыра-земля дарит людям богатый урожай, она богиня всех благ жизни и изобилия. Недаром в руке своей держит она турий рог изобилия, из которого рассыпает цветы и плоды. А с нею неразлучна сестра Лада, богиня любви и покровительница брака. В ее власти заставить рожать вспаханное поле.

Когда-то, в древние-преддревние времена, люди еще не знали пахоты, не умели сеять и возвращать зерно. Питались они тем, что дарила им Мать-сыра-земля, — кореньями и травами. Научила их пахать землю богиня Лада. И стали с тех пор люди с нетерпением ждать весны. С зимы готовились к встрече с нею.

И вот приходит время, простирает Мать-сыра-земля руки к Перуну, испрашивая дождя, небесной влаги, оживляющей поля, деревья, травы. Молит она Дажьбога, повелителя Белого Света, подарить благотворное тепло. Но спит еще Перун. Не разгорается огненное око Дажьбога — солнечный бог Хоре. Запаздывает, не спешит спуститься на землю богиня весны Жива.

Посылает Мать-сыра-земля гонцом божество малое, хранителя семян, властителя ростков и корней растений крылатого собакоголового Семаргла. Он ведь и служит посланцем между небом и землей. Стремглав понесся Семаргл, смело пробил снеговые тучи, прогрыз ледяные заслоны, разбудил спящих богов. И вот уже отомкнул небесные колодца Перун, разгорелся лучистый огненный глаз Дажьбога, горячее солнышко Хорс. Тут и Жива ожила. Весна наступила. Расцвела природа, вздохнули поля, зашелестели по ожившим лесам братья Ветры.

Настала очередь Семаргла холить зерно в земле, помогать пробиваться к свету малым зеленым росткам, укреплять корни злаков, чтобы поили они всходы, копили зеленую растительную силу, которой множатся колосья, наливаются золотым зерном.

Вот когда полнится плодами рог изобилия, что держит наготове Мать-сыра-земля. Щедро одаривает она людей.

Лаба и ее сыновья

Древнеславянскую богиню любви звали Лада, а ее сыновья — Дидо и Лель. При вступлении в брак славяне делали жертвоприношения богине. Ладу поминали и в неделю Троицына дня, когда завивали венки и по ним девушки гадали о суженом.

А сильна-дробна пчела
На полет вылетала,
Ай, дидо, ой, ладо!
На полет вылетала,
Во лугах садилася,
Разные цветы-травы рвала,
Она себе венок вила
На свою головушку,
На свою веселую,
Ай, дидо, ой, ладо!

Морской царь — владыка вод

В небе царствует Перун. Мать-сыра-земля покоится на плечах Велеса. А всеми водами земными владеет Морской царь. Всякие рыбы и животные, какие только водятся в морях, реках и озерах, в его власти. Стар он, но могуч и крепок. Кудри у него зеленые, волнами ложатся на

плечи. Лишь кое-где проглядывает седой завиток пенистый. Норову царь Морской неукротимого. Ему опасно перечить. Топнет он ногой — и буря разыграется, взмахнет рукой — и волна горой взметнется.

Живет Морской царь в подводном дворце с хрустальными стенами, двор его усыпан золотым песком, запрягает он рыб златоперых и объезжает свои владения, бороздя дно морское. Жена его, царица Водяница, повелительница русалок. А дочерей у них видимо-невидимо. И все разливаются по миру светлыми речками. Никогда не оставляют они отца с матерью, властителей морских, всякий час стремятся к океан-морю. А та, что забудет родителей, отвернется от них, скоро иссохнет, и останется от нее только пустое русло, заросшее болотной травой.

Часто спорят между собой дочери Морского царя, кто из них ближе ему, кого он привечает, встречает широкими объятиями. Заспорили как-то и Волга с Вазузой. Спорили-спорили до поздней ночи и решили: «Давай ляжем спать, а утром посмотрим, кто скорее притечет к батюшке океан-морю». Так и сделали.

Только хитрая Вазуза-река ночью встала и убежала от Волги, выбрала себе дорогу прямее и короче и потекла между берегами. Проснулась Волга, плеснула гневно волной и покатила вдогонку. Широко течет, ни тихо, ни скоро, а как следует. Догнала на полпути Вазузу. Та испугалась, назвалась меньшей сестрой и просила Волгу принять ее в свои берега да принести в своих объятиях в океан-море. С тех пор Вазуза не спорит, просыпается весною раньше и будит Волгу.

Наделил Морской царь своих дочерей и волшебным умением превращаться в птиц-лебедей. Белые струи речные становятся перьями лебедиными, и летят птицы в зеленые луга, а к утру возвращаются и снова оборачиваются речками со спокойной текучей водой. Потому считается, коли кто убьет лебедя, сразу где-то умрет, пересохнет река. А кому посчастливится найти перо речки-лебедушки, тот и Морскому царю будет угоден.

Доля и Недоля — сестрицы-неразлучницы

Свет и тьма. Холод и тепло. Радость и горе. Счастье да несчастье. Как их разделить? Без холода и тепла не узнаешь. Без тьмы и света не поймешь. Не видел несчастья, то и счастья не ценишь. Издавна ходили рядком, одна за другой, сестры-богини Доля и Недоля, Желя и Карна.

Доля и Недоля сопровождали человека всю жизнь, ни на шаг не отставали. Небесные пряжи, они без устали, не выпуская из рук веретен, сучили пряжу дней, пряли нить судьбы человеческой. Только разное у них получалось полотно жизни. Доля, девушка ладная, умелая, улыбчивая, руки ее ловкие, сноровистые. И течет с ее веретена золотая нить. Счастливую судьбу прядет она человеку. А Недоля всегда хмурая, ни уменья у нее, ни старания. Если не оборвется нить раньше времени, унося жизнь человеческую, то уж точно узелками завяжется, ткань неровной окажется, непрочной. Ждет того человека, которому взялась прясть нить жизни Недоля, участь злая, несчастливая. Но часто заговорятся сестрицы Доля и Недоля, перепутают в полотне нити и, глядишь, у человека не жизнь, а сушья чересполосица: то удача его встретит, а то и несчастье настигнет.

А придет несчастье в дом, тут уж жди других сестер — печальную Желю да мрачную Карну. Как говорят в народе: «Пришла беда — отворяй ворота». Вот и в древней русской повести «Слово о полку Игореве» вспомнили о двух нежеланных сестрах, когда враги прошли по Руси с мечом острым да стрелой каленой: «Божьей карой черные Карна и Желя проскакали по тропам-дорогам, смерть возвещая огненным рогом».

Карна — кара небесная, беда неминуемая, плакальщица и вопленица на могиле. А Желя — печальница, жалобно рыдающая над тем, кто мыкает горе-горькое. Никому не хочется встречаться с этими неразлучными сестрами, приносящими тоску-печаль. Отворачивается от них даже приветливый бог мира и согласия Лад. Он всегда идет навстречу с раскрытой ладонью, приветствует путника, показывая, что нет у него в руке никакого оружия, открыт он для мира и любви.

Ярило — божество плодородия

Верно служил крылатый Семаргл великой богине Мать-сыра-земля, в засушливые дни летал с мольбами к Перуну, в пасмурную пору, когда заливало поля водой, звал пробиться сквозь тучи светлого бога Хорса. И вот пришла пора, когда нужно задуматься о будущем урожае, об осенней веселой страде. Ударился Семаргл о Мать-сыру-землю и оборотился прекрасным юношей.

Теперь он не собакоголовое чудище, а красный молодец, божество удалого веселья и радости Ярило. Едет он от села к селу. Конь под ним белый с увитой цветами гривой. В одной руке у Ярилы сноп спелых колосьев, в другой — рог с веселящим пивом. Русые кудри украшает веночек васильковый.

Люди встречают щедрого бога плодородия и ярой земной силы радостными песнями:

— Расходился Ярило
По всему свету,
Полю жито родил,
Людам детей плодил.
А где он ногою,
Там жито копною.
А куда он взглянет,
Там колос зацветает.

В самом разгаре праздник, посвященный богу Яриле, его ярой силе, которая дарует богатый урожай. И зовется этот праздник весело — Ярилки. Всю ночь делятся игрища вокруг костров, горящих на холме. А самый красивый юноша в колпаке, украшенном бубенцами, цветами и лентами, водит хороводы, раздаёт угощения, затевает игры. Но и в разгар веселья не забывают люди о любимой своей богине-кормилице, дарующей все, чем жив человек — и еду, и питье, и силу. Кланяются в пояс и говорят:

— Матушка-кормилица, сыра земля родимая, даришь ты хлеба досыта, велишь работать до света.

Улыбается Мать-сыра-земля, щедро одаряет людей — детей своих — из полного рога изобилия. Придет осень — и затрещат от зерна амбары, глядь, и пышут жаром печи, румянятся в них пышные пироги. Тут уж и Лада с лукавым сыном своим Лелем не замедлит явиться. Красоты она неписаной. На золотоцветных волосах, убранных жемчугами, веночек розовый, изукрашено платье богатым шитьем и драгоценными камнями. В руке у нее обручальное кольцо, несет она брачный венец молодым, что затеяли свадьбу. А легкокрылый Лель парит невидимый над их головами, одаряет счастьем светлой любви.

Купало — божество земных плодов

Июнь. Самая макушка лета. Впереди еще два теплых месяца — июль и август, лето окунается в жару, но солнце уже поворачивается на зиму, начинает катиться вниз по небесной горке.

Завязались клубни в земле, пошли в колос рожь и пшеница. Теперь поля жаждут воды. Зеленые руки-ветви опустила долу Мать-сыра-земля, указывает на иссушенную ниву, просит у бога-громовика Перуна милости — благословенной влаги дождя.

Земля, скрытая завесой черных туч, не видна с неба. Бог солнца Хорс уже окончил свой дневной небесный путь, и Вечерняя Заря распрягла его коней. Ночь на земле. Занес над головой Перун свою огненную палицу и принялся крушить черные скалы туч, разбивать темную стену-завесу. В самой сердцевине этих скал скрыто сокровище — серебро летних ливней, жемчужные нити дождевых струй, драгоценные каменья медовой росы. Мечет Перун стрелы-молнии. Одна, самая длинная, стрела достигла земли, упала в непроходимой лесной чаще и расцвела небывалым жарким золотым цветком. С треском раскрылся ослепи тельный бутон жар-цвета. Всего одну ночь цветет пламенный цветок Перуна, но тому, кто найдет его, раскроются клады земли, будет ведома тайна ее плодородия. Все железные замки и чугунные запоры вмиг раскалываются, стоит лишь прикоснуться к ним Перуновым цветом-папоротником.

Тем временем разгорается в небе грозное пламя. Вскипела под палицей Перуна дождевая вода. Купает в ее ливнях бог-громовик небо и землю, даруя полям животворную силу.

Вот тогда и появляется Купало, божество земных плодов, лесных трав и цветов. Неслышными шагами проходит он по земле, и благоухает на его голове венок из желтых цветов купальниц, переплетенных с белыми купавами. Появление Купалы — настоящий праздник. Почетные старцы трением двух дубовых палочек добывают живой огонь и возжигают высокие костры. Пылают они, словно палица Перуна. Горячие искры звездами рассыпаются в небе. Берутся за руки юноши, скачут через огонь, а девицы в праздничных нарядах и лентах, опоясанные свитыми из душистых трав кушаками, с венками на головах водят вокруг костров хороводы, купаются в утренней росе и поют-славят бога Купало:

Купало, Купало!
Где ты зимовало?
«Летовало во лесе,
Зимовало в вересе!»

В чародейную эту ночь деревья сходят с места, собираются, ведут между собой тихие, шелестящие беседы. Толкуют о чем-то своем травы. Лопочут звери. И все друг друга понимают.

Овсень

У главных, больших богов были помощники — божества, кои смели показываться людям, наставлять их, оберегать и помогать в трудах.

И было их столько, что обо всех не рассказать. Но если только некоторых назвать по именам, то сразу ясно, чем они ведали, какую службу несли на земле среди людей. Лесные божества Ягоднич и Грибич, Листвич и Цветич, Травич и Кленич. Божества водные — Озернич, и Водич, и Рыбич. А еще полевые — Сенич, Житнич, Сол омич, Овсенич и Просич. Божества домашние — Гостич и Родич, Корович и Пчелич, Беседич и Мыслич. А были и мелкие боги стихий — Снежич, Студич, Лютич, Ветрич, Дождич. И совсем уж забавное божество легкого ветерка и славной летней прохлады — Листвеврич. Слышится в его имени слабый шелест листьев, шепчущихся с пролетающим ветром.

Один из таких богов звался Овсень. Он наблюдал смену времен года и приводил с собой утро

дня и утро года — весну. Появлялся он в самый канун Нового года, и люди готовили ему радушную встречу. Как поется в песне:

— Мосточек мостили,
Сукном устилали,
Гвоздьми убивали,
Ой, Овсень, ой, Овсень!
Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там Овсеню
Да Новому году.
Ой, Овсень, ой, Овсень!

Светлело небо, предвещая не только начало дня, но и весеннее посветление. А шутник Овсень, весь светящийся лукавым весельем, появлялся верхом на свинье. Так и запомнился он в народной песенке, похожей на незлобивую дразнилку:

— На чем ему ехать?
На свиной свинке.
Чем погонять?
Живым поросенком!

Овсень проезжает по заснеженной земле на свинке — золотой щетинке, прокладывая дорогу весне, что по первопутку поведет за собой и лето. За спиной у Овсеня мешок с богатыми дарами. Только не поровну дарит людей озорной божок. Кому больше достанется, кому меньше, а кому и вовсе не достанет. Но люди на него не обижаются, говорят: «Жив человек не дареным, а трудом сотворенным».

Зима-зимница да Весна-весенница

В одной славянской сказке борются между собой две богатырские силы — Зима-зимница и Весна-весенница. Бились они на мечах-молниях, но никто не смог одолеть другого. Тогда сложили они мечи, а Весна-весенница и говорит: «Обернемся колесами и покатаемся с горы. Чье колесо разобьется, тот и побежден».

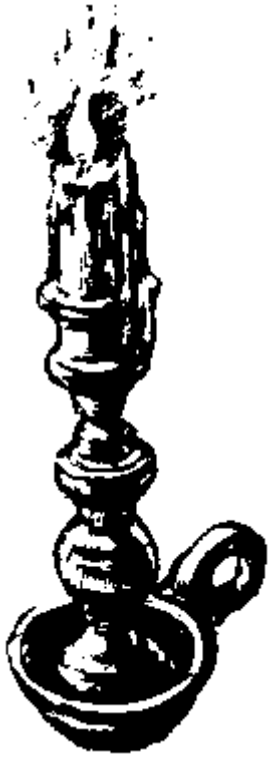
Обернулись они колесами и покатались. Колесо Весны-весенницы налетело на колесо Зимы-зимницы и раздробило его. Но та обернулась добрым молодцем с ледяными руками и говорит: «Только пальцы мои сосульчатые раздробились, а меня победить тебе не удалось! Давай лучше оборотимся в белое и красное пламя. Чье пламя осилит другое, тот и победил».

Оборотилась Зима-зимница белым пламенем, а Весна-весенница стала красным пламенем. Долго палили друг друга они, а никто одолеть не смог. На ту пору шел мимо старец с длинной бородою.

«Старец! — воскликнуло белое пламя. — Принеси бадейку воды и залей красное пламя. Дам тебе ледяной самоцвет!»

«Добрый человек, — молвило красное пламя, — залей белое пламя. Подарю тебе золотой червонец».

Старец послушался Весну-весенницу и залил белое пламя. Зима-зимница растаяла и потекла ручьями. И зазеленела земля.

Племя лукавое

mir-knigi.org

Помните, погубил Перун Змиулана и побросал разрубленные куски его по самым дальним и укромным уголкам. И завелась там всякая нечисть, что днем прячется, а ночью выползает и людям покою не дает. А потом народ стал придумывать всякие заговоры против них.

В одном из древних народных заговоров говорится такое чародейское слово: «Отвожу я от тебя, отгоняю вихоря бурного, отдаляю от лешего одноглазого, от чужого домового, от злого водяного, от ведьмы куровской, от злой сестры ее муромской, от моргуньи-русалки, от треклятой Бабы-Яги, от летучего змея огненного, отмахиваю от ворона вещего, от вороны-каркуньи, заслоняю от Кощея-Язуна».

Упомянута здесь чуть ли не вся главная нечисть земная, что и живет в нечистых местах, скрытых мраком зловещим или туманом тягучим, прячется по углам-закоулкам, в пустошах и делях, чащобах и оврагах, в трясинах и болотах, в расстанях дорог и на перекрестках, в пещерах и ямах, в водоворотах и омутах, а то и близко к жилью человеческому — в колодцах, подпольях, чердаках, запечье, подпечье, в бане, овине и в хлеву. Повсюду, куда забросил грозный Перун куски разрубленного огненным мечом Змиулана, гнездится эта нечисть и нежить.

Одни из них злобные и коварные, другие шутники и озорники, а третьи и вовсе незлобные, иногда и помощники в хозяйстве. Только нельзя эти забавные, мохнатые, кудлатые, бородатые существа злить и гонять. Тут они спуску не дадут.

Все духи лесные, полевые, водяные и домашние имеют свои имена-прозвища, по которым сразу узнаешь, где он таится, живет-поживает.

Леший, боровой, лозатый, моховик, полевик, луговик, межник, водяной, омутник, болотник, заборчник, травник, стоговой, дворовой, домовый, овинник, банник, амбарник, гуменник, хлебник, запечник, подпольник. И уж совсем забавный и непонятный голбешник.

Слов-то, слов наговорили, что листьев в лесу, что травинок на лугу, а не все места нечистые узнали и половины имен из племени лукавого не припомнили. Да и не стоит.

Старики говаривали, что поминать вслух нечистую силу не к добру.

А встречаются они повсюду. Одни в лесу живут, другие — в поле, третьи в воде обретаются, а иные в доме прижились.

Батюшка домовой и его семейство

— Батюшка домовой и матушка домовая, батюшка дворовой и матушка дворовая со всем семейством, пойдете к нам в новый дом на богатый двор, на житье, на бытье, на богатство! — почтительно возглашал хозяин нового дома, стоя в воротах и кланяясь на три стороны.

В руках у хозяина широкая хлебная лопата, на ней зола и угольки из печи, что была в старой избе. На этой лопате и переносят домового. Невидимый для всех проскальзывал в угол — красный кут — или за печку одетый в длиннополый кафтан и высокую лохматую шапку длиннородый и длинноволосый старичок, маленький, словно поленце. Без него дом не дом, хозяйство не хозяйство, потому что это домашний божок, хранитель очага.

Нашли как-то в раскопках под Новгородом древние, тысячелетней давности деревянные фигурки бородатых дядек в шапках. И были они не детскими куклами-ляльками, а самыми настоящими изображениями дедушки домового. Этот коротышка, чурочка деревянная, вел свою родословную от самого Чура, древнего бога хозяйских, родовых владений. Звали еще этого бога Щур. А отсюда уже недалеко до слова «пращур», то есть предок, как, например, прадедушка. Дедка домовой был посланцем предков, божком-хоромохранителем. Оттого иногда обличьем напоминал хозяина дома и даже любил рядиться в его одежды. Вот какого славного рода этот маленький незаметный старичок. Отсюда и могущество его, и почет ему от всех домашних. Неспроста домовому давали ласковые прозвища — доброжил, доброхот, кормилец, соседушка и даже хозяин.

Норов у домового крутой, не смотри, что крохотуля, на вершок от пола. Сам без дела не сидит, досматривает хозяйство, по дому хлопочет, но и другим спуску не дает. Ленивого понукает, домовитому помогает. Под его началом целое воинство помощников. Клетник, сарайник, жировик, гуменник, овинник, суседко и хлевный, а еще братцы спорынья и спех, которые пособляли спорому, то есть скорому, да удачному успеху хозяина дома. Под доглядом помощников домового были и запасы зерна в клетки-амбаре, и скот в хлеву, и дровишки в сарае, и за кашей да пирогами в кухне наблюдали.

Когда все в доме идет ладом, домовой сидит себе за печкой и лапти ковыряет или же уплетает кашу, которую ему не забывает поставить в глиняном горшочке заботливая хозяйка. Любит он и пошутить, покурлесить. Особенно рад, когда можно повозиться с детьми. Только крикнуть ему:

— Дедушко домовой, поиграй со мной! — а он уж тут как тут.

Посудой на полке позванивает, поленцем за печкой постукивает. Тайком веник припрятет, а хозяйка его ищет, растерянно руками по бедрам хлопает, куда, мол, я его задевала? Но коли не желает показаться домовой, то нужно произнести зов-заклятие подлиннее:

— Дядя дворовой, приходи ко мне не зелен, как дубравный лист, не синь, как речной вал, приходи таким, каков я!

Дом свой домовой любит. Хозяев в обиду не даст. Пособляет ему в том и дворовой. Тот посуловее, ему оберегать двор, скот и птицу домашнюю от лисы вороватой да от волка

зубастого. Дворовой — хозяин всех домашних животных. Он и сам при случае мог обернуться то кошкой, то собакой, то коровой, а иногда выскакивал крысой или выпрыгивал из дождевой бочки лягушкой.

И все же не забудем, что добродушный дедушка домовый, посланец от наших дедов и прадедов, пришел к нам из седой древности и перенял силу свою от могучего подземного бога Велеса.

Дядюшка леший и его семейство

Большая семья у хозяина леса. Есть у него жена лешачиха и детки лешеня. Живут в лесу и старые дед и бабка Лешего по прозванию лесавки. Маленькие, серенькие, будто ежата. Шелестят они, шебуршат в сухой прошлогодней листве, копошатся с конца лета до осени, а там зароятся в старые сосновые иглы и спят-сопят потихоньку. Сам старшой в этом семействе зовется по-разному. Кто его кличет дед лесовик, кто лешаком называет, а кто и просто лесным дядькой. Только самое главное его имя — леший. Разные обличья может принимать лесной дед. То он появится весь покрытый дубовой корой с бородой, увитой плющом, и с птичьим гнездом на голове. А то принарядится мужичком деревенским. Лапти на ногах, армячок красным кушаком перетянут. Но приглядишься получше и сразу догадаешься, что перед тобой нечистый. Левый лапоть у него на правую ногу надет. Армяк запахнут наоборот — справа налево, да и правого уха вовсе нет. А уж если удастся поглядеть сквозь лошадиное ушко, то увидишь, что синий он, потому что кровь его синяя сквозь кожу просвечивает. Только как его увидеть, если Леший может и рост менять. В лесу он вровень с высокими деревьями и сам на дерево похож. А выйдет на опушку, так и малой травинкой прикинется, под ягодный листок упрячется. Большой шутник леший. Любит он дороги лесные путать, тропики узлами завязывать, путника в чащобу заманивать. Особенно туго приходится заблудшему человеку, если в дело вмешивается маленький щекастый, пузатенький Аука. Эхом отзывается он сразу со всех сторон, звоном в ушах отдается, зазывает в глухую чащобу. Злой он, Аука: как ни проси, дорогу домой не укажет. Зато лешего можно задобрить. Попросишь: «Дедушка леший, я грешен, да ты не злой. Отпусти домой!». Но стоит подразнить обидчивого дядьку лешего, крикнуть ему: «Эй, леший, нос на сосну не вешай! Плешь прикрой дубовой корой!», тут уж он рассердится, напустит тебе в глаза туману и долго плутать придется. Боится леший только петуха — вещей птицы, возвещающей приход зари, конец сил тьмы. Тут-то и рушатся чары дядьки лешего, в прах рассыпаются, будто гнилой пенек. Есть у дядьки лешего немало родичей. И все они его верные помощники. Птичич да Зверинич пасут и стерегут живность лесную. Мелким зверям помогают, большим сильно озоровать не дают. Травич, Листвич и Цветич холят все лето зеленую лесную красу, а придет осень — аккуратно сухие листики с деревьев оберут, траву к земле пригнут, к зиме приготовятся.

Леса бывают разные. То бор — светлый и чистый. Грибной, ягодный. А то, наоборот, непроходимая чащоба, темная, сырая, моховыми бородами завешанная, колючими кустами да сухими ветвями загороженная. Светлый бор под началом громадного и лохматого, как медведь, страшили борового. С ним шутки плохи. Он может задрать и зверя, и собаку, в лесу заплутавшую, да и человека горазд прихватить. Лучше с боровым не встречаться. Зато его посыльные, крохотные старички-боровички, вовсе не опасны. Живут они под шляпками грибов и стараются подосиновики, подберезовики да рыжики от грибников схоронить. Ведь это их дом, а кому охота крыши над головой лишиться?

Но в глухую чащу лучше не забираться. Там живет лесной дух пущевик. Руки у него — ветки корявые, пальцы — сучья сухие, глазки зелеными светляками горят, а серые космы висят лохмами старого мха. Руками он одежду в клочья изорвет, пальцами сучковатыми глаз выколлет. Солнца пущевик не любит, в его владениях всегда сторожкая мгла и пронизывающая сырость. Наткнешься на пуще-вика, долго будешь вспоминать и от ужаса дрожмя-дрожать. Но

так тому и быть, потому что лес — это хозяйство лешего, а человек там гость. Понравишься хозяину, не станешь вредить ему, он тебя и приветит. А незваного да враждебного гостя кто же любить станет? Для того чтобы снискать милость лешего, нужно, поговаривали, в ночь перед Ивановым днем отправиться в лес. Там найти осину, срубить ее так, чтобы упала она на восточную сторону. После этого надо встать на пне срубленной осины и, поклонясь, произнести во весь голос: «Дядя леший, покажись не серым волком, не черным вороном, не елью жаровою, покажись добрым дядюшкой!».

Хозяин поля — Полевик

Житное поле, колосющаяся нива издревле была кормилицей человека. Потому и житного деда, по-иному полевика, всегда уважали и ублажали. Этот маленький, корявый старичок, умеющий говорить по-человечьи, постоянно обретался в поле. Тут и там можно было заметить его колосистые волосы и щетинистые усы, посверкивающие лукавые васильковые глазки, услышать шорох лапок да длинной, до пят, метущейся по земле бороде.

Полевик исправно сторожил всходы, растил хлебные злаки и творил богатый урожай. Он прилежно готовил для себя запасы на зиму, словно пчелка, что запасует мед в сотах. Но приходила пора жатвы, появлялись жницы. Поначалу полевику было весело. Первый сноп — зажиночный — вязали с песнями, называли именинником, переносили в дом и хранили до следующей весны. Дед полевик радовался хорошему урожаю вместе со всеми. Но вот начиналась в поле жаркая работа. Полосами оголялось поле, рядками стояли снопы. Бедняга полевик метался от одной несжатой полосы к другой, спасаясь от острого полумесяца серпа. И вот оставался последний клочок необранного поля, колосьев ровно на один сноп. Туда и затискивался крошечный дедка. Последний этот сноп звался обжи-ночным. И в благодарность за службу люди полевика не вытрясали, а наряжали сноп в сарафан и кокошник, и самая красивая девушка в венке из оставшихся в поле колосков, перевитых васильками, несла домой. А жнецы и жницы шли следом и возглашали хвалу: «Мы хлебу песнь поем, хлебу честь воздаем!».

Радовался житный дед, что не придется ему голодать. Да и сынок его межевичок не останется без пропитания. Ведь он тоже все лето трудился, межи охранял, поправлял вешки и следил, чтобы никто от работы не отлынивал, не спал на меже. Усталого пощекочет травинкой, разбудит, а лентяя травяными жилками оплетет и задушить может.

С полевиком лучше не ссориться. Он хоть и маленький, да удаленький. Зимой заберется в амбар и все зерно слопают. А на севере, поговаривали, полевик был вовсе не крошечный. Наоборот, длинный дядька с рожками и хвостом с кисточкой на конце. Тело его покрыто шерстью огненного цвета, а носится долгоногий дядька полевик так быстро, что кажется, будто искра промелькнула. В жаркие дни, когда солнце голову припечет, огненный полевик всюду мерещится. Просверкнет в глазах оранжевой искрой, хвостом пометет, пыль поднимет, и был таков. Но те, кто поглазастей, не только рыжего полевика замечают, но и полудницу, ряжницу, кудельницу могут узреть.

Водяной — поддонный князь

Издревле люди селились у воды. На берегу рек, над большим озером, вокруг рыбного пруда. И уж непременно соседом оказывался дедушка водяной. Он ведь в каждой речке, в любом озере, во всяком пруде дом имеет. Даже в топком болоте обитает. Правда, зовется тогда он болотником и вида самого болотного — зеленой тиной оброс, распухшим носом хлюпает, ноги по колена в ряске и жидкой грязи. Кому вдруг доведется воочию увидеть водяного, тот рассказывает, будто плавает он на чурбаке или коряге. Сидит он весь голый, покрытый тиной,

на голове у него высокая боярская шапка, свитая из зеленой травы, называемой куга. Вокруг тела домового — зеленый пояс из той же травы.

Речной водяной чуть опрятней, да тоже хорош. От воды раздулся, голое пузо больше арбуза, глаза выпучены, зеленые волосы спутанными водорослями висят. Вместо рук у него лапы перепончатые, а поговаривают, и рога есть. Но этого никто не видал. А ездит водяной обычно на большой рыбе сом. Потому иногда сома называют «чертов конь». Если же водяному придет охота оседлать крестьянского коня, быка или корову, то несчастное животное под ним подломится, увязнет в тине и погибнет. Водяной, конечно, не самый главный в подводном царстве, где правит Морской царь. Но зато в своем водоеме он владыка. Так и говорят: «дедушка водяной начальник над водой».

Прежде чем селиться на новом месте у реки, строить дома и сети в воду закидывать, люди, бывало, дань водяному готовили. Делали они чучело соломенное, сажали его в дырявую ветхую лодчонку и пускали на середину реки, приговаривая: «Вот тебе, поддонный князь, не тина, не грязь, а живая голова в сине море. Убереги нас от горя».

Наполнится водой дырявая лодка, булькнет и потонет. Значит, принял водяной подать, теперь смилостивится и не станет сети рвать и берега вешней водой заливать, сшибать мосты и смывать амбары.

Но особенно любит дедушка водяной селиться под водяной мельницей возле самого колеса. Бьет сильная речная струя, вертится колесо с такой скоростью, что сливаются деревянные пальцы-спицы в сверкающий круг. А водяной сидит наверху его и брызжет водой. Если мельник не сумеет поладить с пучеглазым дедом водяным, задобрить его, то сунет он лапу в колесо, оберет, обломает спицы, а то и сделает в запруде дыру, и уйдет вся вода.

Некий мельник, говорят, не спросившись у водяного, построил мельницу в его владениях. В первую же весну тот вздул воды речные с такой силой, что снесло и мельницу, и дом неосторожного хозяина. А надо бы ему помнить о подати, которой требует водяной. Обычно обещали дедушке водяному гуся, козу или свинью. А уж он своего не упустит, присоединит при случае обещанную дань к своему стаду. Ведь водяные живут под водой большим и богатым хозяйством. У них в омутах среди тростников и осоки построены палаты каменные. По ночам выгоняет водяной на прибрежный заливной луг свои стада коров, табуны лошадей и отары овец. И не удивительно, ведь семейство у дедушки водяного немалое да вдобавок куча детей.

В дождливый день, когда пенится вода от хмельной браги дождевых струй, водяной весел и пьян. Он собирает своих собратьев омутников да болотников и до ночи играет с ними в кости да придонные камушки. Разойдутся они, разгуляются и такого шуму понаделают, что во всей округе слышно. Лапами по воде хлопают, головами крутят и водовороты устраивают. В такое время лучше в воду не входить — затянет на дно, и не выплывешь.

А как нальется зерно в колосе, выходит водяной на берег. Узнать его сразу можно, потому что балахон на водяном всегда мокрый, с левой полы вода струится, а волосы и на солнце не просыхают. Отправляется водяной на рынок и начинает торговать рожь. Тут и примечай, какую цену он дает. Если покупает по высокой цене, то жди плохого урожая, а коли мало денег дает, хлеба уродится вдосталь и будет он дешев.

Поторговавшись вволю, водяной возвращается в свой подводный дом к деткам и жене. А женятся водяные на водяных девах, которых в народе зовут морянами, водяницами или русалками. В весеннее половодье, когда тает снег, выступают реки из берегов и сносят под своим стремительным напором заплоты, мосты, гати и мельницы, люди точно знают — у

водяного свадьба. Гости его здорово подпили медовой влаги и предались буйному веселью и разгульным пляскам. Тут уж ничего не поделаешь, жди, пока дедушка водяной утихомирится и ляжет поспать в тенистых, тинистых камышовых зарослях.

Но по-настоящему засыпает дедушка водяной с наступлением зимы, когда льды запирают реки. Но и тут не забывает иногда напакостить — оставляет на реке полыньи, куда может ухнуть с головой неосторожный путник.

Проснувшись по весне, дедушка водяной первым делом принимается пополнять свои запасы. Он перегоняет стаи рыб из соседних рек и озер. Когда ворует у своих соседей-водяников, а когда и выигрывает.

Русалки

Они бывают разные. Одни плавают в небесной голубизне, как в синем море, белые облака. То они рыбой обернутся, то девицей белолицей, а то сольются и видятся прекрасной девой с рыбьим хвостом. Одни облака окунаются в речную да озерную воду и выныривают зеленоглазыми и зеленокосыми красавицами с изумрудным чешуйчатым хвостом. А другие выпадают жемчужной росой. И тогда поднимается из густой травы Русая Роса — русалка, ведающая утренними и вечерними росами. Сестры ее крылатые. Они живут на краю света, там, где не ступала нога человеческая. А к нам прилетают лишь раз в году, весной. Наполняют они туры рога доверху медовой росой, опрыскивают ею хлебородные нивы, и хлеба начинают колоситься. Остатки росы русалки выпивают, и начинается у них веселье, пляски да песни. Русалочки праздники так и назывались издавна — русалии.

Самые веселые русалии разыгрывались в разгар лета, когда колос завязался и зерно в нем наливалось золотой силой. Тогда и устраивались встречи и проводы русалок. На ржаном поле собирались парни в козлиных и конских масках и девушки в лентах и венках из душистых цветов, размахивающие широкими, словно крылья, рукавами. Они колотили в сковородки, печные заслонки и под эту звонкую барабанную музыку плясали и скакали. А потом шли в рощицу и водили хоровод вокруг березок.

Белотелая зеленокосая березка не простое деревце. Когда-то, в незапамятные времена, случилось вот что. Закинул рыбак сеть в реку и вытащил златоперую рыбку. Не успел он удивиться, как рыбка обратилась в белолицую девицу с зеленой косой — русалку — и стремглав припустила в лес, едва касаясь босыми ногами рослой травы. Погнался за нею рыбак. Вот-вот настигнет. Но вдруг обернулась русалка в тонкоствольную березку. С тех пор и водят хороводы вокруг березы, завивают ее зеленые гибкие веточки в косички. И будто слышится тогда жалобная песня-просьба зябнувшей на ветру русалки:

— У ворот береза
Зелена стояла.
На той на березе
Русалка сидела,
Русалка сидела,
Рубахи просила:
«Девки-мол оду хи,
Дайте мне рубахи!
Хоть худым-худеньку,
Да белым-беленьку!
Худую, льняную,
Косые рукава!».

Чтобы ублажить русалку, вешали на березовые ветки льняную пряжу, вышитые белые полотенца и украшали ее венками. И все же после той истории с рыбаком русалочьи сестры людей сторонятся.

Зато там, где бегали русалки, касались земли легкой стопой, трава растет густая и высокая, в рост человека, а хлеба уродятся пышные и обильные.

Но все же для русалок вода дом родной, потому и зовут их часто купалками, водяницами. А в подводном царстве прислуживают они Морскому царю, пляшут перед ним в прозрачных струях, сами просвеченные насквозь зеленеющими в толще вод солнечными лучами.

Другие русалки

Старшая русалка называется царицей и выбирается из всех русалок Водяным. Без позволения царицы русалки не могут не то что погубить человека, но даже и напугать его.

Но в самую лучшую часть года — лето — с июня, то есть в «русальском месяце», когда все цветет, русалки выходят на сушу, странствуют по берегам рек и в близь лежащих лесах и рощах. Ночным приютом для них становятся старые деревья, чаще всего дубы, где они качаются на ветвях, словно на качелях. Аукаются они и зовут прохожих: «Ходите к нам на качелях кататься!» Того, кто заслушается русалочьего голоса и пойдет на зов, русалки заводят в лесную чащу и могут защекотать до смерти.

Чтобы задобрить русалок, во время русалий развешивают на деревьях лесных холсты да рубашки. У самих русалок в самые короткие летние — воробьиные — ночи бывают свадьбы. Тогда в реках слышится громкий плеск и переливчатый русалочий смех. А то выбегают русалки на берег озера или реки, поют, хохочут, хлопают в ладоши и даже мяукают по-кошачьи. Тогда и происходят празднества — русалии. Люди веселятся, выходят на берег реки с плясками, с сопелками, бубнами, гусями, гудками и свирелями скоморошьими и веселым «скаканием». Праздники русалий связаны с плодородием полей, молением о дожде и рождении новых колосьев.

Дедушко Мороз

По древним поверьям Мороз выгоняет на поля злых духов. Налетают они на белый свет, бегают по полям и дуют в кулак. От этого поднимается ветер с метелью, а на деревья садится иней. Громко топают босыми ногами по мерзлой земле злые духи, и треск несется вокруг. От той беготни умирает жито, убиваются лен, конопля и овес.

Тут-то и нужно произвести заклятие мороза. Для того варят большую миску овсяного киселя. Старший в семействе зачерпнет ложку киселя, влезет на печь и говорит громко-громко: «Дедушко Мороз! Обмакни в кисель нос! Дедушко Мороз! Не бей наш овес. Лен да конопля в землю вколоти!».

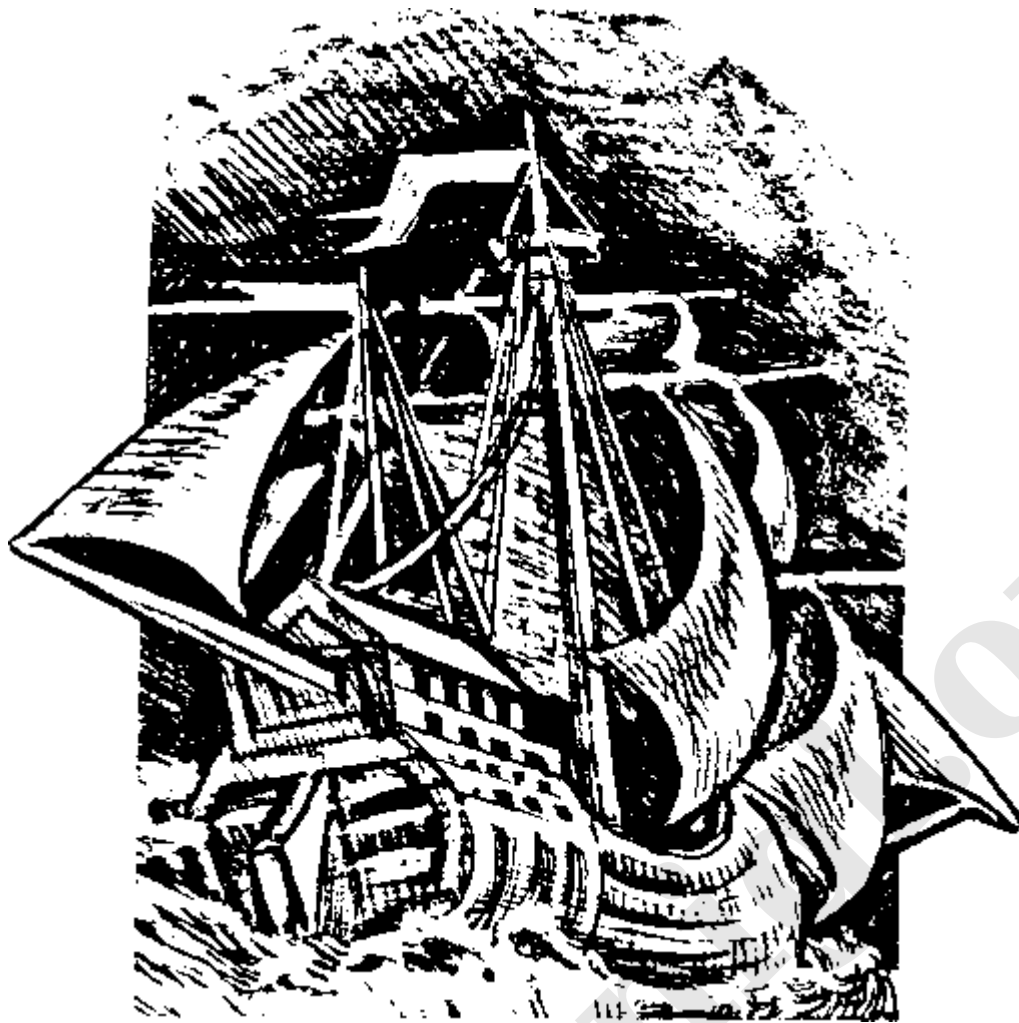
Отведает дедушко Мороз овсяного киселя, укроет посеvy снежным одеялом и сохранит их до весны.

Сказочные герои

mir-knigi.org

Морскую царевну в сказках зовут и Царь-девицей. А живет она в стране вечно лета, в золотом дворце. В изголовье Царь-девицы хранится живая вода. Путь в эту далекую страну Царь-девицы лежит через безбрежное море. И море это — небо синее. А вход туда сторожит двенадцатиглавый змей. Из каждой его пасти пышет пламя негасимое. И это грозная черная туча, хранящая живую воду дождя.

Морская царевна

В славянской сказке юный царевич привозит Морскую царевну, а старый царь, желая завладеть ею, дает царевичу три погубительных задания. Сначала посылает его за гусли-самогудами на дно морское. Достал гусли-самогуды царевич, и хотел, было, старый царь сыграть свадьбу. Но Морская царевна молвила: «Хочу, чтобы видел меня мой батюшка Морской царь с моря». А загораживала море высокая каменная гора.

Тогда повелел старый царь юному царевичу в одну ночь разбить каменную гору. Послала Морская царевна на помощь царевичу богатырского коня и чудо-рыбу. Стал дробить копытами гору конь-огонь, а рыба хвостом подбивала гору из-под воды. И сравняли они каменную гору с берегом морским.

Но и тут не сдалась Морская царевна. «Выйду за тебя, царь, коль станешь ты краше и милее. А для того нужно привести морских кобыл, подоить их и вскипятить молоко в большом котле».

Привел царевич кобыл, подоили их и наполнили кобыльим молоком большой котел. Развели под котлом костер, и старый царь очертя голову кинулся в кипящее молоко. Там и сварился. А Морская царевна и юный царевич справили шумную свадьбу.

Сказка эта сложилась из давно забытых языческих мифов о борьбе старого царя зимы с юным богом весны.

Баба-Яга

Баба-Яга явилась к нам из сказки, а в сказку она попала из мифов и преданий. Этой вещей старушонке и впрямь много тысяч лет. Но самое удивительное, что прежде Баба-Яга была стариком и звалась Бабаем. А знаменитая избушка на курьих ножках стояла не на краю леса, а, страшно сказать, на краю света! Она охраняла вход в царство мертвых, «иное» царство. А вокруг нее был лес костей и черепов.

В давние-предавние, просто незапамятные, времена мальчики должны были пройти испытания, прежде чем их признают будущими воинами и доверят оружие. Воин всегда готов к смерти, и потому испытания эти были сродни переходу в небытие. Шел мальчик в дремучий лес, где и жил в одиночестве, преодолевая страх, среди злых лесных духов и всяких неведомых опасностей несколько дней, а то и недель. А испытания творил мудрый старец, опытный воин. Он был суров и жесток, но знал, что совершает доброе дело — закаляет характер будущего защитника племени, селения, семьи.

А еще напоминает Баба-Яга злобную и враждебную человеку богиню Морену. Напускала она на людей болезни, мор и голод. Баба-Яга, подобная Морене, непременно огромная, как злое божество. Лежит в избушке своей из угла в угол — в одном углу ноги, в другом голова, губы на притолоке, нос в потолок уткнулся. А когда наступит ночь, садится на метлу Баба-Яга и улетает через трубу печную на Лысую гору, где собираются на шабаш все ведьмы.

Сказывалось в заповедных преданиях, будто некий смельчак забрался на Лысую гору во время шабаша, то есть сборища, ведьм и подслушал их песню. С той поры эта песня гуляет по белому свету, но никто не может постигнуть смысла этих слов:

— Них, них, запалам, бада,
Эсехомо, лаваса, шиббода.
Вихада, ксара, гуютун, гуютун,
Лифа пррадда, гуютун, гуютун,
Наппалим, вапшба, бухтара,
Мазитан, руахан, гуютун.
Яндра, кулайнеми, яндра.

Как же эта непонятная песня похожа на детскую считалку!

Сказочная Баба-Яга может быть и кровожадной злодейкой, как Морена, и доброй помощницей, словно напоминая нам о древних старцах — испытателях юношей, что желали стать взрослыми и совершать подвиги. То она сажает детей в печь, желая поджарить и съесть, а то может напоить, накормить богатыря, спать его уложить и на утро указать верную дорогу и даже дать оберег, талисман, волшебную защиту.

Но часто перед этим Баба-Яга задает своему гостю загадки. Отгадает — она его отпустит и наградит, не сможет дать ответ — погибнет. Это тоже отклик тех испытаний, когда проверяли ум, сообразительность и знания мальчика. Ведь древний человек, прежде всего, был отгадчиком, истолкователем воли богов, которые управляли непонятной ему природой и лишь давали не всегда ясные, загадочные знамения. И самыми признанными истолкователями божьих посланий были волхвы, вещуны. Вещуном, знавшим, что творится в «ином» царстве, был и Кощей. И смерть его была спрятана там, на краю света. Вот откуда родство и приязнь

Бабы-Яги и Кощея Бессмертного. Вдобавок оба они и похожи на обитателей того темного и страшного царства мертвых: Кощей высох до скелета, а у Бабы-Яги костяная нога.

"Кощей Бессмертный

Кощей часто живет рядом с Бабой-Ягой в русских сказках. Самое древнее имя его «кошун», а обитал он в потустороннем, «кощном», царстве. Было такое слово — кощунить, то есть колдовать, а кощунник — волшебник. Кощное царство — тьма кромешная, преисподняя. Потому и живет сказочный Кощей где-то «прикрай свету», на «стеклянных горах», во дворце с золотыми окнами и хрустальными дверьми, полном самоцветных камней, алмазов, бирюзы и жемчуга. Очень это похоже на северные земли, где льды и айсберги.

А еще означает слово «кошун» — тощий, костлявый. Кощей, этот костлявый, как скелет, скупец и скряга, всю жизнь сидит на черной горе и корпит над своею золотой казной. А черная гора — это мрачная туча небесная, приносящая ледяные вьюги и град, побивающий Землю. Золото, которое Кощей от людей прячет, — золотой свет солнца, его животворное тепло, которое рушит скалы льда, будит природу, пробуждает ее после долгого зимнего сна.

Есть у сказочного Кощея и чародейная дудка, коей повелевает он ветрами зимними, буйными, буранами и метелями снежными, затмевающими белый свет. А у Бабы-Яги — волшебный свисток, вызывающий злых духов. Лишь подуют злые духи в кулак, и приходит зима с морозом невиданным.

В народе про Кощея говорили, что сам он с ноготь, борода с локоть, а бич в семь сажень. Этим бичом — молнией, своими изломами похожей и на Змея Горыныча, Кощей Бессмертный поражает всякого, кто посягнет на его богатство, все вокруг леденеет и костенеет, сковывается земля ледяным холодом, омертвляются, обсыпаются деревья инеем.

Недаром в русских сказках вместо Кощея нередко появляется Змей Горыныч. А в старинах и былинах Кощей Бессмертный становится Идолицем поганым, которое «росту две сажени печатных, в ширину сажень, головища что лохань с ушами, глазища что чаши, а нос с локоть». Страшно и представить себе такое чудище, если знать, что сажень — это два метра с лишком, а локоть — полметра. А победил это чудище, ростом с дерево, русский богатырь Илья Муромец.

Но и Кощеево бессмертие до поры, до времени. Явится добрый молодец Иван-царевич и узнает, где таится смерть Кощея. А сокрыта она на море-океане, на острове Буяне, под зеленым дубом, где зарыт сундук железный. В том сундуке упрятан заяц, в зайце утка, а в утке яйцо.

Как нашел Иван-царевич яйцо, показал его Кощею, у того в глазах помутилось, переложил яйцо из руки в руку, Кощей из угла в угол бросило, а как смял яйцо совсем, так Кощей свалился да и помер.

Вода живая и мертвая

Древние славяне веровали, что чистый весенний дождь дарует здоровье и красоту тем, кто умывается его свежей водой. Она лечит и затягивает раны, а хворый человек, ополоснувшийся дождевой водой, исцеляется. Отсюда и возникло поверье о живой воде. В сказках ее называют еще и богатырской водой, единый глоток которой дает богатырям силу немыслимую. Отведав чудодейственной воды, русский богатырь может поднять меч-кладенец и отсечь голову Змею Горынычу.

В сказках появляется и мертвая вода. Убитого богатыря окропляют сначала мертвой водой. Она заживляет и затягивает раны, сращивает рассеченное тело, но оно еще остается

бездыханным. Тогда кропят убитого живой водой, и она возвращает ему жизнь. Это поверье накрепко связано с возрождающейся после зимнего оцепенения природой. Ранней весной первые дожди сгоняют снега, растапливают лед, как бы затягивая раны матери-земли. А последующие дожди оживляют землю, даруя ей живую зелень, траву и цветы.

Живую воду приносят или волшебники, повелители весенних гроз Вихрь, Гром и Град, или же сказочные вещие птицы. В разных сказках такими птицами становятся ворон, сокол, орел или голубь.

Одна из сказок повествует о царевиче, который отправился вызволять юную царевну из лап похитившего ее двенадцатиглавого дракона. Для этого надо было взять меч, висевший на стене в пещере дракона. Но никак не мог совладать с ним царевич. И тогда плененная красавица сказала: «Выпей воды из той баклаги, что стоит в углу. Так всегда делает Змей, когда вздумает поднять меч». Сделал царевич один глоток — и снял со стены тяжелый меч. Сделал другой — и смог приподнять его. Сделал третий глоток — стал свободно размахивать им. И с каждым глотком прибывала в нем сила несметная. Победил царевич дракона, отрубил ему все двенадцать голов и освободил царевну. Но сам, израненный, готов был умереть. И тогда сказал царевна: «Видишь, стоит у той стены котел с кипучей водою. Окунись в него». Искупался царевич в чудесной воде и стал еще краше, белее, румянее и сильнее вдесятеро.

Змей Горыныч

Явился он из сказок и преданий. Чудище он злое, порождение нечисти. А Горынычем он звался потому, что обитал в недрах гор, в глубоких пещерах, в темных норах.

Оттуда, из недр земных, по народному поверью, вылетал Змей Горыныч и тучей грозовой застилал солнце. Огненной молнией извивался змеиный хвост, сверкая из тучи.

«Да издали-далека, из чиста поля,
Из-под западной да с-под сторонушки,
Не дождь дождит и не гром гремит,
А не гром гремит, да шум велик идет:
— Ай, змеище да Горынище
О трех головах,
О двенадцати хоботах...»

Чтобы победить Змея Горыныча и освободить солнце, нужно было добыть меч-кладенец. Не всякому дано поднять волшебный меч. Для того надобно испить богатырской воды, которая придаст силу великую. Испил чудодейственной воды русский богатырь, поднял меч-кладенец и рассек Змея Горыныча — тучу грозовую.

Хлынул из тучи дождь, напоил землю. Выглянуло солнце — одарило землю теплом и светом.

Ветер буйный — Соловей-разбойник

В образе Соловья-разбойника отразилось представление народа о злой силе бури, грозовой тучи. В посвисте Соловья слышится свист бури, вихря, ветра:

«Что гнались-то, гнались за тем добрым молодцем
Ветры полевые.
Что свистят-то, свистят в уши разудалому
Про его разбой».

Дующие ветры представлялись и сказочными, хищными птицами. Неспроста дети Соловья-разбойника в одной из былин оборачивались «воронами с железными крыльями». И прозвище «разбойник» было дано не случайно. В далекую старину верили, что черные тучи, закрывая солнце, воруют его, прячут в свои ненасытные животы золотые солнечные лучи — «похищают золото». Вот и в кладовых Соловья-разбойника лежала несчетная золотая казна.

На лубочных картинках ветры, приносившие вихри, вьюги и метели, изображались в виде крылатых человеческих голов, дующих из облаков. В русских заговорах часто упоминаются семь братьев Буйных ветров. У западных славян — лужицких сербов — в сказках живут Ветровые молодцы, родичи и слуги Ветра. Обитают они в поднебесье и на земле, по собственной прихоти вздымают вихревые бури. Творят они и добрые, и злые дела, а иногда и просто проказничают. То распахнут ворота, а то и вырвут дерево с корнем.

«Встану я, пойду в чистое поле под восточную сторону. Навстречу мне семь братьев, семь Ветров буйных. — «Откуда вы, семь братьев, семь Ветров буйных, идете? Куда пошли?» — «Пошли мы в чистые поля, в широкие раздолья сушить травы скошенные, леса порубленные, земли вспаханные» — так начинается заговор о тоске девичьей.

Обращаются к Ветру, как к живому существу, способному выручить в беде, и в сказках многих народов.

В сказке А.С. Пушкина «О мертвой царевне и семи богатырях» царевич Елисей восклицает:

«Ветер, ветер, ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе...»

Славянского бога Стрибога, повелителя грома и деда ветров, иногда называли Посвист. Имя это связывалось с завываниями бури. Ветры помогают богу-громовику в его битвах с демонами туч и несут его боевые стрелы. До сих пор у моряков существует поверье, что свистом можно накликать бурю. Но можно и призвать попутный ветер в затишье тем, что «посвистать на ветер».

Герои былинные

Героя на Руси нарекали богатырем. И самым главными и любимыми богатырями были трое старших — Святогор, Волх и Михайло Потык — и троица младших — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Но сильнее всех былинных богатырей оказался простой пахарь-оратай Микула Селянинович. А узналось это впервой вот как.

Микула Селянинович

Жил на высоких горах богатырь чудный, могучий Святогор. И сила его была немеряной. Поехал он по святой Руси силу свою испытать. Головой небо чертит, сам косая сажень в плечах, а конь богатырский, будто лютый зверь, пламя из ноздрей. Едет Святогор в поле, потешается. Бросит палицу булатную выше леса стоячего, ниже облака ходячего. Улетает палица высоко в поднебесье, а когда спускается, он легко одной рукой ее подхватывает.

Скачет навстречу Святогору русский богатырь Илья Муромец. Увидал его Святогор, подхватил за желтые кудри да положил себе в карман вместе с конем богатырским и поехал дальше.

Едет он день до вечера, скачет темную ночь до утра светлого, и второй день едет до вечера, скачет темной ночью до утра, а на третий день конь его стал спотыкаться.

— Ах ты, волчья сыть, травяной мешок! — рассердился Святогор. — Ты почему спотыкаешься?

Отвечает ему конь:

— Прости меня, хозяин, третьи сутки скачу без передышки, ног не останавливая. Вожу я на себе не одного, а двух богатырей да еще и коня богатырского впридачу.

Вспомнил тут Святогор-богатырь, что в кармане у него Илья Муромец. Поставил он Илью вместе с конем на сыру землю и спрашивает:

— Скажи, добрый молодец, какой ты земли? Если ты — богатырь русский, то поедем в чистое поле, попробуем силу богатырскую. Покажу я тебе свою.

Поехали они широкой дорогою, путем неблизким. Сила Святогора по жилочкам переливается, но не с кем ему силушкой той померяться.

— Найти бы мне тягу, так всю землю поднял бы, — похвалялся Святогор-богатырь.

Вдруг видит, идет впереди прохожий, лаптями пыль метет. Подхлестнул богатырь своего доброго коня, ан никак догнать не может. Шагом ли едет, припустит ли коня рысью — прохожий, знай себе, шагает впереди.

— Эй, прохожий человек, приостановись! Не могу я тебя нагнать на добром коне! — громовым голосом закричал Святогор-богатырь.

Приостановился прохожий, скинул с плеча суму переметную, пеньковой веревкой перетянутую.

— Что у тебя в сумочке? — спрашивает Святогор.

— А вот подыми с земли, увидишь, — спокойно отвечает прохожий в сером армячке.

Сошел Святогор-богатырь с коня, поддел сумочку перстом, она даже не ворохнулась. Захватил

он ее рукой, как прилипла к земле сумочка. Взялся за нее обеими руками богатырь, жилы у него напряглись, натянулись, лишь на волос оторвал сумочку от земли.

Удивился Святогор-богатырь:

— Много годов я по свету ежывал, а такого чуда не видывал, дива такого не знавал. Маленькая сума переметная, простой пеньковой веревкой перетянутая, а с места не сдвинется, не поддастся, не подыметя!

Уперся ногами в землю Святогор-богатырь, изогнулся, спина у него колесом, голова котлом. Стал снова поднимать неприметную суму переметную. Сам по колено в землю ушел, а ничего поделать не может.

Тогда спрашивает он во второй раз:

— Что у тебя в сумочке? Силы мне не занимать, а сдвинуть ее не могу.

— В сумочке у меня тяга земная, — просто промолвил прохожий.

Еще больше удивился Святогор-богатырь:

— Да кто ж ты есть и как тебя зовут?

— Я — Микула Селянинович, поле пашу, пшеницу сею, — сказал так, вскинул на плечо суму свою переметную и дальше пошел.

Усмехнулся Илья Муромец и ничего не сказал. А Святогор-богатырь только головою покачал, вскочил на доброго коня и поехал судьбу пытаться. А силушкой своей больше не стал бахвалиться.

Богатырь Волх и сошка кленовая

И второй богатырь из старших — Волх — не смог пересилить Микулу Селяниновича, скромного пахаря, хоть и славился силой и хитростью.

Сказывают, как родился Волх, закатилось красное солнышко за горы высокие, за моря широкие, рассеялись звезды частые по небу синему. Ступил в первый раз Волх на ноги, мать-сыра-земля заколебалась. Звери в лесах разбежались. Птицы по подблачью разлетелись. Рыбы в синем море разметались. Туры да олени в горы ушли. Зайцы и лисицы по чащам затаились. Соболи и куницы на островах попрятались.

А Волх сказал своей матушке:

— Не пеленай меня в пелены тонкие, а надень латы булатные. На голову возложи шлем золотой, а в правую руку дай палицу в триста пудов.

Вот каков был Волх Всеславьевич, чудо-богатырь. К десяти годам постиг Волх всякие премудрости. Научился он оборачиваться ясным соколом, рыскать серым волком, становиться гнедым туром — золотые рога. И стал великим охотником. Обернется зверем, поскачет по темному лесу, ловит куниц, лисиц, черных соболей, белых зайчиков поскакучих да горностаев прыгучих. Обернется соколом, полетит по поднебесью и бьет гусей, лебедей и всякую малую пташицу. Повернется, обернется рыбой щучинкой, понырнет в синее море и собирает рыбу семужку да белужинку, плотичку да дорогую рыбу осетринку.

А как стукнуло Волху пятнадцать лет, собрал он дружину верную. Пришла тут весть, что салтан земли Заморской замыслил поход на Русь. Обернулся Волх малой птицей-пташицей и полетел в страну Заморскую. Опустился на окно палат белокаменных самого салтана заморского и слышит такие слова:

— На Руси трава растет по-старому, цветы цветут по-прежнему, а не слышно Волха-богатыря. Знать, нету его в живых. Поеду я на Русь, возьму девять городов.

Прослышал Волх Всеславьевич речь салтана заморского, обернулся серым волком и проскочил на конюшни салтанские, коней всех загрыз. Потом оборотился малым горностаем, юркнул в тайницу ружейную, переломал тугие луки, перервал шелковые тетивы, стрелы каленые покрошил, острые сабли зубами повыщербил, а палицы булатные в дугу согнул. Обернулся он снова птицей-пташицей и был таков. А потом пошел со своей дружиной на салтана заморского. Превратил он дружинников в муравьев, и они просочились в щели сквозь неприступные городские стены. Взяли всю силу салтанскую в полон и потянулись домой, на Русь.

Едет Волх с ратного поля и силой похваляется. Выехал он со своей дружиной в чистое поле. А там пашет, пни корчует, отбрасывает каменья из борозды на межу мужичок в армячке. Кобылка у него соловая. Сошка кленовая поскрипывает, по каменьям прочеркивает. Захотел подшутить над пахарем Волх и говорит:

— Поедем-ка со мною, с моей дружиной славной на ратное дело.

Мужичок в армячке молча кобылку свою из сошки выпряг и поехал с ними. Уже поле его за лесом скрылось, тут и вспомнил мужичок:

— Вот беда, Волх-богатырь, оставил я сошку в борозде. Лихой прохожий-проезжий сошку из земли выдернет, землю из нее вытрясет и унесет. Нечем мне будет крестьянствовать.

Послал Волх Всеславьевич трех добрых молодцев из своей дружины сошку из земли выдернуть да за калиновый куст забросить, чтобы никто не взял. Прошло время небольшое. Нет их и нет. Послал тогда Волх втрое больше дружинников, крепких молодцев. И они пропали. Отправил Волх тридцать силачей. И те не возвращаются.

Покачал головой пахарь:

— Славные у тебя, Волх-богатырь, дружинники, а сошки из земли выдернуть не могут. Не храбрость у них, а одна хлипкость да хлебоядность.

Рассердился Волх Всеславьевич и сам поехал. Подошел к сошке кленовой. И так, и сяк прикладывается. Выдернуть не может. Тут взялся за сошку сам пахарь одной рукой. Выдернул ее из земли и закинул за калиновый куст. Поразился Волх-богатырь и спрашивает:

— Как же тебя кличут по имени, как величают по отчеству, богатырь неизвестный?

А пахарь отвечает:

— Ошибаешься ты, Волх Всеславьевич. Какой из меня богатырь? Я поле вспашу, рожь соберу, в скирды сложу, домой отвезу. Дома пива наварю, соседей напою. Станут мужички меня славить: «Ай да молодец, Микула Селянинович!».

Понял славный богатырь Волх Всеславьевич, что не всегда сила ратная берет верх над пахарем-оратаем, которого мать-сыра-земля своим считает.

Михайло Потык и Лебедь Белая

Богатырь Михайло Потык своим удалством славился на всю Русь. Все ему удавалось, все в руках ладилось. Поехал он как-то в чистое поле. Скачет — только пыль столбом. Доехал до самого синего моря. Отыскал тихие заводи, чтобы настрелять гусей, белых лебедей и малых перелетных уток.

Затаился Михайло Потык и увидел лебедь белую. Была она через перо золотая, голова увита серебряной нитью, а шея усажена скатным жемчугом. Поднял Потык свой тугой лук, выхватил из колчана каленую стрелу, наложил ее на шелковую тетиву. Зазвенела тетива, заскрипели рога лука тугого. Услыхала лебедь белая и вдруг заговорила человеческим голосом:

— Русский богатырь Михайло Потык, не стреляй ты меня, лебедь белую.

Вышла она на крутой берег и обернулась душой красной девицей. Михайло Потык воткнул копьё в сырую землю и привязал к нему коня. Подошел он к лебеди красной девице, взял ее за руки и спросил:

— Как зовут тебя, лебедушка белая?

— Кличут меня Авдотьюшкой.

— Будь мне женой, Авдотьюшка.

А она ему в ответ:

— Стану я твоей женой, если дашь клятву крепкую исполнить мое желание.

Поклялся Михайло Потык, а девица красная ему и говорит:

— Условие мое такое. Быть нам неразлучными при жизни, но не расставаться и после смерти. Кто из нас прежде умрет, второму за ним живому во гроб идти.

Согласился богатырь Михайло Потык и поехал домой на добром коне. Авдотьюшка снова обернулась белой лебедью и следом полетела. Привел он жену молодую к своим батюшке и матушке. И стали они жить-поживать в любви и согласии. Авдотьюшка не лежала, не ленилась, дом украшала. Но немного им счастливого житья было отпущено. Через год захворала Авдотьюшка Лебедь Белая. С вечера расхворалась, к полуночи разболелась, а к утру и преставилась.

Выкопали могилу широкую и погребли Авдотьюшку. Михайло Потык, исполняя клятву, взял запас великий хлеба и воды. Велел ковать себе клещи железные, приготовил три прута, один оловянный, второй железный, третий медный. И отправился в сырую землю с конем и ратной сбруей. Опустился он в могилу, накатали сверху дубовые бревна, засыпали желтым песком. Только протянули вверх веревку к звонкогудящей колотушке.

Добыл огня Михайло Потык и шел под землей с полудня до полуночи. А как раз в пору полуночную собрались к нему все гады змеиные, приползла самая большая змея. Пышет она пламенем огненным, слепит дымом едучим. Но не испугался богатырь. Захватил он змею железными клещами и ну сечь прутьями. Погнулся оловянный, он берет железный, сломался железный, он медным работает.

Взмолилась змея:

— Великий богатырь Михайло Потык, сын Дунаевич, не убивай меня, открою тебе, как оживить Авдотьюшку. Достану живой и мертвой воды.

Не поверил ей Михайло Потык.

— Ты, — говорит, — змея лукавая. Давай мне в залог своего змееныша. Тогда и отпущу.

Покорилась змея. Уползла, а вскоре принесла живой и мертвой воды. Михайло Потык разрубил змееныша на мелкие части и смочил мертвой водой. Сползлись, срослись разрубленные куски. Побрызгал Михайло Потык живой водой, ожил змееныш и уполз, извиваясь. Тогда богатырь смело опрыскал мертвой и живой водой Авдотьюшку. И один раз, и другой, и третий. Первый раз она вздрогнула. Другой — зашевелилась. А на третий раз открыла глаза и проговорила:

— Фу, фу, фу, долго же я спала!

— Кабы не я, спать бы тебе век, — откликнулся Михайло Потык, богатырь русский.

Дернул он за веревку. Ударило било медное. Собрался народ. Отгребли желтый песок, откатали дубовые бревна — могильный потолок. Опустили длинные лестницы и вынули Михайло Потыка с добрым конем и с его молодой женой. С той поры они и верно не разлучались.

Илья Муромец и Соловей-Разбойник

У города Мурома на холмах стояло село Карачарово. В том селе на окраине притулилась изба, а в ней тридцать лет и три года сидел сиднем на печи крестьянский сын Илья Муромец. Как-то ушли родители в поле, а у ворот остановились певцы бродячие, слепые калики перехожие. Струны на гусях перебирают, поют тихими голосами:

— А и на Дону, Дону, в избе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах
Высока ли высота потолочная,
Глубока ли глубота подпольная,
А и широко раздолье —
перед печью шесток, Чистое поле — по подлавочью,
А и сине море — в лохани вода.

Спели песню, постояли, постучали в ворота:

— Отворяй ворота широкие! Пусти калик в дом!

А Илья Муромец в ответ:

— Не могу отворить ворот широких. Сиднем сажу тридцать лет и три года! Не владею ни руками, ни ногами.

Калики свое:

— Вставай-ка, Илья! Пускай калик в дом!

Вдруг почувствовал силу Илья в руках и ногах, встал и отворил ворота. А калики перехожие налили ему чару медвяного питья, и разгорелась в его сердце, во всем теле сила богатырская. Калики перехожие и говорят:

— Будешь ты, Илья, великий богатырь. Купи себе жеребеночка, поставь его в сруб на три месяца, корми пшеном белояровым. Пройдет три месяца, тогда три ночи поводи своего жеребчика по саду, в трех росах искупай. Потом подведи к тыну высокому. Как сумеет он перескочить через тын в ту и другую сторону, поезжай на нем, куда хочешь. Будет конь носить тебя, спина у него не провиснет, ноги не подогнутся.

С тем и ушли, как пропали. А Илья отправился в поле корчевать дубья-колоды. Все повырубил, повыворчевал и в глубокую реку пустил. Вот уж удивлялись отец с матерью:

— Что это за чудо такое?

Стали они Илью расспрашивать, как выздоровел. Он им все и поведал. Купил себе Илья жеребеночка самого немудрого — бурого, косматого. Кормил его пшеном белояровым, поил свежей ключевой водой и все делал, как повелели старцы-калики. А как вырос жеребеночек в коня могучего, накинул на него уздечку Илья Муромец, оседлал и попрощался с отцом-матерью. Поскакал его конь. Бежит, как сокол летит, реки и озера в один прыжок перемахивает, хвостом поля подметает.

Ездил Илья Муромец по городам и весям, а весть о нем впереди бежала. Много подвигов он совершил во славу земли Русской и силы своей богатырской. Подъехал к городу Чернигову и спрашивает:

— А укажите мне, добрые жители черниговские, дорожку прямоезжую.

Те ему в ответ:

— Прямоезжая дорожка деревьями завалена, заросла она, замуравела густой травой. Давно уже пеший по ней не хаживал, на добром коне никто не ездил. Там у грязи черной, у березы кривой, у самой речки Смородинки свил себе гнездо на двенадцати дубах Соловей-разбойник. Свищет он по-змеиному, рычит по-звериному. От крика его трава-мурава завивается, цветы лазоревые осыпаются, темные леса к земле преклоняются, а люди замертво валяются. Но есть дорога окольная. Прямоезжей — пятьсот верст, а окольной — тысяча.

Усмехнулся Илья Муромец и отправился дорогой прямоезжей. Добрый конь его горы перескакивает, с холма на холм перелетывает, мелкие речки и озера одним махом берет. Скачет выше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего. Под копытами его колодца открываются, водой наливаются. Подъехал он к речке Смородинке, а Соловей-разбойник как засвищет, как зашипит по-змеиному, заревет по-звериному. Добрый конь Ильи Муромца стал спотыкаться да пятиться. Прикрикнул на него богатырь Илья Муромец:

— Что о корни спотыкаешься, о валежины запинаешься? Не слыхал разве посвисту змеиного, покрику звериного?

Поднял богатырь свой тугой лук, натянул шелковую тетиву, наложил каленую стрелу и пустил ее в Соловья-разбойника. Полетела стрела быстрее птицы поднебесной и попала Соловью-разбойнику в правый глаз, а вылетела в левое ухо. Рухнул с дуба, будто соломенный сноп, Соловей-разбойник. Илья богатырь взял его за космы желтые, привязал к левому стремени булатному. левой рукой коня ведет, правой дубы рвет, мосты через реки мостит и приговаривает:

— Сидел ты, птица-разбойник, на гнездышке, на двенадцати дубах, сидел ровно тридцать лет, да не встречал, не видел еще такого молодца.

Соловей искоса на Илью поглядывает, помалкивает и думает себе: «Попал я в крепкие руки, теперь не вывернуться, не уйти мне».

Подъехал Илья Муромец к усадьбе Соловья-разбойника. А у того двор на семь верст раскинулся, дом стоит на семи столбах. Вокруг булатный тын. Посреди гостевой двор и три златоверхих терема, крыльцо в крыльцо, конек в конек. Насажены сады зеленые, цветут цветы лазоревые. Из окошек, резными ставенками и узорчатыми косяками украшенных, выглядывают три дочери Соловья-разбойника.

Старшая кричит:

— Едет наш батюшка чистым полем да везет мужичище-деревенщину!

Поглядела другая дочь:

— Едет наш батюшка на добром коне, а к правому стремени мужичище-деревенщина приторочен!

А третья, самая младшая, разглядела:

— Едет мужичище-деревенщина на добром коне. У булатного стремени наш батюшка прикованный!

Выскочила она на широкий двор, схватила подпорку подворотную чугунную в девяносто пудов, размахнулась, хотела ударить, да Илья Муромец увернулся уверткой богатырской и так пнул ее, что улетела дочь Соловья-разбойника под тын булатный. Там и затихла.

Выскочили на порог ее сестры, стали сулить Илье за отца казну несчетную. Обещали ему дождевых коров, золотых бычков, чистого серебра и мелкого скатного жемчуга столько, сколько может он увезти на добром коне, унести на плечах богатырских. Но не отдал он им злого их батюшку Соловья-разбойника.

— Хватит ему, — говорит, — на дубу сидеть, да посвистывать, да порыкивать, добрым людям загораживать дорогу прямоезжую.

Добрыня Никитич, Купавна и Змей

Родом Добрыня Никитич был из славного города Рязани. Смолоду он пел-играл на гусях яровчатых и стрелу в цель посылал без промаха, хоть была бы та цель сокрыта черной тучей. Как взрастила его матушка до полного возраста, наставляла она сына своего:

— Не ездь на гору Сорочинскую, не топчи там малых змеенышей. А тем паче не купайся в Пучай-реке. Та река свирепая, сердитая, змеем обжитая. Из первой струйки огонь сечет, из другой искры сыплются, из третьей дым столбом валит.

Но прослышал молодой Добрыня Никитич, что сокрыт за горами Сорочинскими полон русский. Не слушал он матушки, ездил на гору Сорочинскую, топтал малых змеенышей. А потом и в Пучай-реке захотел искупаться. Не успел войти он в быструю воду, как издалека-издалече не гром гремит, а Змей Горыныч летит. О трех головах, о двенадцати хвостах.

Взревел Змей Горыныч:

— Ах ты, молодой Добрыня Никитич, захочу целиком тебя проглочу, захочу хвостом замету, а

захочу и в полон снесу!

— Не хвались, Змей проклятый! — отвечал богатырь. — Не в твоих еще лапах Добрыня!

Нырнул он ко дну Пучай-реки и выплыл на другом берегу. Но нету у него ни копья острого, ни меча булатного. На том берегу остались. А Змей сыплет на Добрыню искрами, жжет пламенем, душит дымом. Огляделся Добрыня Никитич и увидел высокий курган. Своротил он шапку кургана, поднял над головой ком тридцати пудов весу и ударил Змея разом по всем трем головам.

Пал Змей Горыныч на сыру землю в ковыль-траву. Вскочил на него Добрыня, хочет свернуть все три головы. Тут Змеище и взмолился:

— Не губи, Добрыня Никитич, даю клятву великую не летать на Русь, не жечь города, не брать полону русского.

Поверил богатырь лукавому слову змеиному, отпустил Змея Горыныча. Поднялся тот вверх и скрылся за облаком. Но полетел не в нору змеиную, а к городу Рязани. Летел Змей Горыныч над городом, и случилось ему увидеть молодую Купавну, невесту Добрыни Никитича. Схватил он ее и унес в нору глубокую.

Возвратился Добрыня, узнал, какая беда на него свалилась, и поехал Змея искать. А матушке сказал:

— Ожидай меня три года. Если же в три года не буду, то жди еще три. Как пройдет шесть лет и не вернусь я домой, почитай меня, Добрыню, убитым.

День за днем идет, как дождь дождит. Неделя за неделей, как трава растет. Год за годом, как река бежит. День ехал Добрыня Никитич под красным солнышком, ночь ехал под ясным месяцем. И вот выехал он в чистое поле. Посмотрел на все четыре стороны. В одной стороне леса стоят темные. В другой, северной, высятся горы ледяные. В третьей, позади, город его родной. А в четвертой — норы Змея Горыныча.

Ударил Добрыня Никитич коня плеткой шелковой, и понесся конь богатырский по чисту полю. Целые версты перемахивает, копытом комья земли с копну выворачивает, за три полета стрелы камешки с дороги откидывает. Подъехал к норам змеиным. Сошел с коня Добрыня, взял в руки саблю острую, копье долгое, на плечо вскинул палицу булатную, а под кушак засунул топор каленый.

Видит, стоит перед норами богатырь на добром коне, но в женском платье. Что такое? Тут и разглядел Добрыня злую великаншу Поляницу. Заслонила она вход в норы змеиные, не шелохнется. Ударил ее богатырь палицей. Сидит в седле Поляница, не пошевелится.

«Знать, повыбился я из сил, Змея побивая да дорогу длинную одолевая, — подумал Добрыня. — Растерял силу прежнюю».

Наехал на дуб в обхват человеческий, ударил палицей и расщепил надвое.

«Э, нет, — думает, — сохранилась еще во мне сила богатырская!»

Снова наехал на Поляницу и как ахнет по голове, только звон по округе пошел, а великанша сидит на коне, не ворохнется.

«Видно, сила у меня все же не прежняя», — сокрушается Добрыня Никитич.

Увидел дуб в два обхвата человеческих. Ударил он дуб и расшиб в щепки. Разогнался тут он на коне богатырском, ухнул Поляницу что есть мочи. Наконец оглянулась Поляница:

— Думала я, комарики покусывают, а то русский богатырь пощелкивает!

Ухватила Добрыню, сдернула с коня, опустила в глубокий кожаный мешок и поехала прочь. Но полоснул саблей ловкий богатырь Добрыня изнутри кожаный мешок и выскользнул на землю. Конь его тут как тут. Вскочил на коня Добрыня и в один скак вернулся к норам змеиным. А норы затворены медными затворами, подперты подпорами железными. Он подпоры откинул, затворы отодвинул. Вошел и видит: в норах много-много народу сидит — полон русский. Выпустил Добрыня Никитич бояр-князей да торговых людей:

— Выходите-ка из нор змеиных, ступайте по своим местам да по своим домам.

Дошел он до глубинной норы Змея Горыныча, а там сидит и Купавна.

— Вставай, Купавна, — говорит Добрыня, — за тобой я странствовал далеко-далече по чистым полям, по густым лесам, по высоким горам, ходил по норам змеиным.

Тут и Змей Горыныч приполз.

— Не отдам, — шипит, — тебе Купавны без бою, без драки-кровопролития. Потоптал ты змеенышей малых, выпустил полон русский. А теперь и девицу хочешь увезти!

Дрались они три дня и три ночи. И не мог Добрыня Змея одолеть. Бился он еще три часа и победил Змея проклятого. Кровь Горыныча землю затопила. Тогда взял Добрыня копье и ударил тупым концом о сыру землю, приговаривая:

— Расступись, мать-сыра-земля! На четыре расступись четверти, пропусти всю кровь змеиную!

Повторил три раза, и через три часа расступилась земля, вобрала в себя всю кровь змеиную. Сел на коня Добрыня, посадил сзади Купавну и поехал в чистое поле.

Ехали они, ехали. Притомился Добрыня Никитич.

— Лягу, — говорит, — отдохну.

Только лег, тут же и уснул. Три дня и три ночи спал. Наехал на них лихой человек, увидел спящего богатыря и Купавну. Перекинул ее через седло и увез. Явился он в город Рязань и сказал матушке Добрыни, что спас Купавну от Змея, а Добрыня погиб и лежит в чистом поле. Но не поверила матушка:

— Три года прошло, три еще подождем.

Ждут они, ждут. Опали сады. С дерев ссыпались листья зеленые. Леса оголились. Лежит, наверное, Добрыня в чистом поле головой в ракитов куст, ясные очи вороны выклевали, сквозь белую грудь трава проросла.

День за днем спешит, как дождь дождит, неделя за неделей встает, как трава растет, год за годом летит, как река бежит. Проснулся Добрыня. Припал он к матушке сырой земле и слышит — стонет земля. Вскочил богатырь на коня, ударил его плеткой между ушей и понесся напрямик. Реки да озера перескакивал. Не в ворота въехал, а через городскую стену

перепрыгнул. А в городе Рязани к свадебному пиру готовятся.

Переоделся Добрыня в скоморошье платье и пришел на пир свадебный. Стоят столы белодубовые, ведра с зеленым вином, угощения богатые. Сунулся молодой Добрыня к столу, а ему и говорят:

— Твое место скоморошье на печке да на запечке!

Вскочил он на печку муравленую, заиграл в гусельки яровчатые и запел:

— Шел детинка по лужочку,
Он не в шубе, не в кафтане,
В белом балахоне.
Несет гусли под полою,
Под полою правую.
Ой, вы, гусли, поиграйте
Да хозяев позабавьте!

Смеются гости, а матушка глянула и узнала сына своего Добрыню Никитича. Тут и Купавна его признала. Изгнали лихого человека, а молодого богатыря Добрынюшку за стол сажали, вином угощали и великой честью чествовали.

Алеша Попович и Тугарин Змеевич

Зародился светел месяц в небе, а на земле, в славном городе Ростове, родился русский богатырь Алеша Попович. Стал он скоро ходить, как сокол летать. Громко говорить, как в трубу трубить. Копьем он играл, будто прутиком, а стрелу пускал в цель за семь верст. И собрался он по свету побродить, людей посмотреть, себя показать. И напутствовала его матушка такими словами:

— Не хвались, Алеша, со двора едучи, а похвались, ко двору приезжаючи.

Был у них дома конь. На сухом корму питался. Хороший конь. Вывел Алеша коня из конюшни, сел на него, он и пал на колени.

— Этот конь для меня не конь, — сказал Алеша и пошел пешим.

Долго ли, коротко шел, привелось ему ночевать под дубом в лесу. Прилетел ворон, сел на дуб и закаркал.

— Что ты каркаешь, ворон? Говори по-человечьи! — приказал Алеша.

И говорит ворон:

— Найди, богатырь, на пригорке березу. Под той березой во мху дверь. Открой эту дверь, там конь тебе будет.

Утром проснулся Алеша Попович и не знает, наяву это было или во сне привиделось? Однако встал и пошел туда, куда указал ему ворон. И верно, под березой за дверью во мху открылась тайная конюшня. Вывел коня богатырь, а он худой, ребра на коже рисуются. Пустил его Алеша на луг, дал воды ключевой, и стал конь гладким и крепким. Настоящий богатырский конь!

Поехал Алеша Попович в чистое поле поохотиться. Ездил-гулял по чистому полю, ничего не

увидел: ни птицы перелетной, ни зверя прыскучего. Только наехал на три широкие дороги. Между тех дорог лежит горяч-камень. На камне написано: первая дорога во Муром. Другая дорога в Чернигов-град. Третья — в места непроезжие.

И поехал храбрый Алеша Попович по третьей дороге. Доехал до Сафат-реки. Раскинул белый шатер. Коня стреножил и пустил на зеленый луг. И лег в шатер опочивать. Прошла ночь осенняя, встал Алеша рано-ранешенько. Утренней зарей умывается, белым туманом утирается. Тут явился перед ним калика переходжий.

— Видел я Тугарина Змеевича, — говорит калика переходжий. — В вышину он с дуб кряжистый, в плечах косая сажень, между глаз каленая стрела уместится. Конь под ним лютый зверь, из ноздрей пламень пышет, из ушей дым столбом стоит. Ищет Тугарин Алешу Поповича.

И сказал тогда Алеша Попович:

— Добрый человек, калика переходжий, дай мне твое платье худое, каличье и возьми мое богатырское.

Нарядился Алеша каликою переходжим. Взял посох дорожный весом в пятьдесят пудов, сунул за пояс кинжал булатный и пошел к Сафат-реке. Завидел его Тугарин, заревел зычным голосом. Дрогнула от его рева зеленая дубрава, изогнулись, заскрипели деревья, прилегла к земле трава.

— Гой еси, калика переходжий! — вскричал Тугарин Змеевич. — Не слышал ли, не видал ли молодого Алешу Поповича? Я бы Алешу конем потоптал, я бы Поповича копьем заколол, я бы богатыря русского огнем спалил!

Алеша Попович руку к уху приложил и говорит старческим голосом:

— Ох ты гой еси, Тугарин Змеевич! Подъезжай поближе ко мне, не слышу я, что молвишь.

Подъехал к нему Тугарин Змеевич, а Алеша Попович хлестнул его по голове посохом булатным. Упал Тугарин на сыру землю. Тут только и догадался:

— Не ты ли, хитрый калика переходжий, и есть Алеша Попович? Он лишь мог меня осилить. Давай с тобою побратаемся.

Не поверил Алеша врагу коварному, привязал его к коню, а платье его дорогое на себя надел. Едет он по берегу Сафат-реки, победе своей радуется.

Прослышал богатырь Илья Муромец, что Тугарин-Змей хочет расправиться с Алешей Поповичем, и выехал ему навстречу. Увидел он Алешу Поповича в платье змеином и решил, что едет Тугарин-Змей. Выдернул Илья боевую палицу в тридцать пудов и бросил ее со всего маху. Угодила палица в грудь Алеше Поповичу и вышибла его из седла.

Соскочил с коня Илья Муромец, хотел уже голову Змею отсечь, как узнал в лицо Алешу Поповича, своего младшего брата названного.

— Убил я брата любимого! — горевал он.

А Тугарин-Змей в ту пору от пут освободился, расправил крылья и взмыл в небо. Тут и очнулся Алеша. Увидел улетающего Тугарина и взмолился небу:

— Собери тучу грозную с градом, с дождем!

Налетела темная туча, стеной стал ливень проливной. Намокли крылья Тугарина. Грохнулся он на землю. Не стал медлить Алеша Попович, вскочил Змею на черную грудь и отсек ему голову. Так и пропал злой Тугарин Змеевич.

Садко и гусли его волшебные

В славном Новгороде жил Садко. Не был он богатырем. Но слава о нем по всей земле русской шла. Потому как был он великим гусельщиком. Ходил Садко по честным пирам, потешал купцов, бояр да простой люд.

И вот как-то пришел он на Ильмень озеро, сел на синь-горюч камень и начал играть в гусли яровчатые. Волшебные то были гусельки, всякого плясать заставляли. И от песни Садко ноги сами в пляс пускались:

— Из-под белой березы
Бежит речка невеличка,
Бежит речка невеличка,
Вода ключевая.
Как по этой быстрой речке,
Как по этой быстрой речке
Плывет селезенко,
Плывет селезенко...

Играл Садко весь день с утра до вечера. А к вечеру озеро расходилось, волна с песком смешалась. И тут вышел из озера царь Морской. Борода зеленая, с нее вода струится. Кудри волнами на плечи ложатся. Голос гулкий. И говорит царь Морской:

— Благодарю тебя, Садко новгородский! Потешил меня. Был у нас в подводном царстве пир честной, развеселил ты моих любезных гостей. За то пожалую тебя благодарностью. Завтра как позовут на пир или свадебку, как станут вино пить да похваляться, ты и скажи: «Знаю я, что есть в Ильмень озере рыба — золотое перо». Закладывай свою голову против лавки в гостинном дворе.

Сказал и сгинул. Только круги по воде пошли. А Садко так и сделал по слову царя Морского. Заспорил с купцами, и заложили они лавки с дорогими товарами.

Сплел Садко невод шелковый, закинул его в озеро и добыл рыбку — золотое перо. Нечего делать, отдали купцы prosporenное. И стал Садко богатым гостем.

Ездил теперь он торговать по разным местам, селам и городам. Выстроил себе палаты белокаменные, изукрасил их изразцами муравлеными. Потолок, словно синее небо. Днем солнышко ходит. Ночью месяц светит да звездочки мерцают. Насыпал он доверху бочки сороковые золотом, драгоценными камнями да крупным скатным жемчугом. Потом построил тридцать кораблей и отправился торговать за сине-море.

Вышел он в сине-море, а тут поднялся ветер. Паруса рвет. Волна корабли захлестывает, мачты ломает. И вдруг посреди моря в разгар бури стали корабли на месте, будто приклеенные. Не идут, не движутся. И тут догадался Садко, что с ними приключилось.

— Сколько по морю ни ходили, а Морскому царю дани не плачивали, — сказал он.

Бросили они жемчуг скатный. Градом сыпался жемчуг в волны морские. Не помогло. Золото выбросили. Проглотила волна золотые слитки. И опять не хочет смириться сине-море. Бьет и бьет волной. Паруса гудят, а корабли с места не двинутся. Тогда приказал Садко спустить на воду доску дубовую. Лег он на нее и поплыл в открытое море. Никакого богатства не взял с собой, а только любимые гусли яровчатые.

Тут же море успокоилось. Уплыли корабли. Волна Садко легонько укачивает, ветерок овеивает, солнышко печет. Он и заснул. А как проснулся, видит, оказался он на самом дне Океан-моря. Перед ним палаты белокаменные. Он и вошел. А там сидит Морской царь и говорит таковы слова:

— Здравствуй, Садко новгородский, купец богатый. Сколько по морю ты плавал, а дани не платил. Теперь сам пришел мне в подарочек. Помню я, ты мастер играть на гусельках. Сыграй-ка мне.

Делать нечего, положил Садко гусли на колени, тронул струны и заиграл, запел:

— Плывет серый селезенко.
Плывет серый селезенко
Тихою водою,
Тихою водою —
Пеною морскою,
Пеною морскою...

Заплясал царь Морской. Заколебалось сине-море, расходилась на нем волна высокая. Играл Садко день, и другой, и третий. Пляшет царь Морской, бородой зеленой трясет. Буря на море совсем разгулялась. Вспенились волны, с желтым песком смешались. И неделю играл Садко, и другую, и третью. Ходит волна морская горами. Ревет ветер. Стало корабли разбивать. А Садко играет. А царь Морской все пляшет. Притомился Садко. Мочи уж нет. Тогда решил он схитрить. Порвал струны шелковые, повыломал шпинечки дубовые и говорит царю:

— Струны у меня порвались, шпинечки повыскакивали. Не могу играть. Отпусти домой за новыми гуслиями.

Царь Морской подумал-подумал и отвечает:

— Отпущу тебя, Садко новгородский.

Но сначала женись на моей, царя Морского, и царицы Белорыбицы дочери. Так верней будет, что вернешься. А зовут дочь мою младшую, любимую Чернавка.

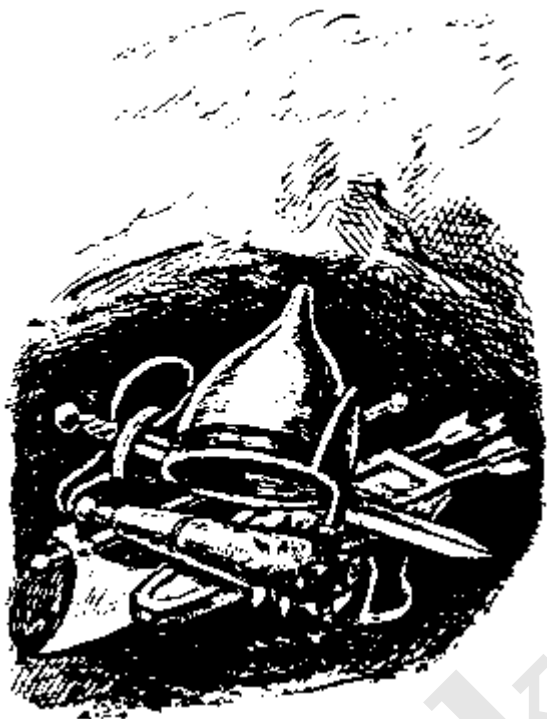
Делать нечего. Согласился Садко. Сыграли свадьбу. На пиру кого только не было. И водяной на соме верхом прикатил. И русалки с зелеными волосами, струившимися по воде. И щука, рыба вещая. И кит чудесный. Задарили Садко раковинами жемчужными, водорослями шелковыми, песком золотым. Отгуляли. Отпраздновали. И лег спать Садко с молодой женой Чернавкой. Не успел он ее коснуться, как заснул мертвым сном.

Проснулся Садко, огляделся и удивился. Лежит он на крутом бережку речки Чернавки. А к берегу подходят его корабли. Долго дивовались корабельщики чуду. Ведь оставили они Садко посреди моря синего, а встретили здесь, у родного Новгорода.

Ничего не рассказал Садко, но уж больше в море не выходил, а только выходил иногда на берег малой речки Чернавки, трогал струны гусель своих волшебных и пел:

— Плывет утка-селезенка,
Плывет утка-селезенка
Тихою водою,
Тихою водою...

И тиха была речка Чернавка, лишь грустно плескала волной о берег песчаный. То ли спал в то время царь Морской. То ли не до пляски было ему, когда любимая младшая дочь Чернавка печалится о муже своём Садко и слабо вздыхает, будто волна речная...

mir-knigi.org

1252

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА ДЕТЯМ

ISBN 978-5-9951-0562-6

9 785995 105626 >